

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

Д. В. Козлов, О. Л. Воронин

**ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ
РОМАНЕ**

Учебное пособие

УДК 8(47).09-311.6(075.8)
ББК 83.3(2)я73
К59

Печатается по решению ученого совета
исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

д-р филос. наук *А. Е. Смирнов*;

д-р ист. наук *Ю. А. Петрушин*

Козлов Д. В.

К59

Тема революции и гражданской войны в советском историческом романе : учеб. пособие / Д. В. Козлов, О. Л. Воронин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 116 с.

ISBN 978-5-9624-0984-9

Пособие составлено в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. На разнообразных примерах художественной прозы анализируются различные подходы к теме революции и Гражданской войны. Художественная литература в данном случае предстает как важная составляющая часть формирующейся исторической памяти советского общества.

Предназначено для студентов исторического факультета ИГУ и для тех, кто стремится к осмыслению истории.

УДК 8(47).09-311.6(075.8)
ББК 83.3(2)я73

Учебное издание

Козлов Дмитрий Викторович, Воронин Олег Львович
ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Редактор *Э. А. Невзорова*
Дизайн обложки: *П. О. Еришов*
Темплан 2013. Поз. 208

Подписано в печать 25.12.2013. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 5,1. Усл.-печ. л. 7,3. Тираж 100 экз. Заказ 195
Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0984-9

© Козлов Д. В., Воронин О. Л., 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

Оглавление

Введение	4
Глава 1. «Что же делать бедному еврею?»: И. Э. Бабель и революция	6
Глава 2. Михаил Шолохов: «Темные воды “Тихого Дона”»	37
Глава 3. Память Гражданской войны в Сибири	72
Глава 4. Немного о хорошем	109
Заключение	113
Вопросы и задания по курсу	114
Рекомендуемая литература	115

Введение

В начале XXI в. вопросы о природе исторической реальности и истинности исторического знания приобретают особую актуальность в контексте глобальной трансформации теоретико-исторических и философских взглядов на историю и специфику ее познания. В связи с этим обращение к историческому роману в свете гуманитарных исследований последнего времени представляется важным и значимым.

Поэтому основными задачами авторов данного текста, который все же не является научным исследованием, а представляет собой пособие для изучения некоторых аспектов советского и постсоветского культурного пространства, являются:

1) выяснить основные жанровые особенности исторического романа путем установления его места в типологической иерархии художественной литературы;

2) проследить историю жанра, отраженную в изменении идеологических установок и жанровой проблематики.

Изучение исторической романистики является разновидностью той сферы исторической науки, которая называется *memory studies* – т. е. исследованиями историко-культурной памяти. Если традиционная история пытается изучать, условно говоря, происходившее на самом деле, то *memory studies* изучает, как прошлое зафиксировано, «запомнено», а потом, несомненно, использовано в различных современных целях. И историческая художественная проза, наряду с исторической драматургией, поэзией, живописью, скульптурой, плакатом, фотографией, эпиграммами, частушками, кинематографией – этот перечень можно долго продолжать, – является предметом именно научного изучения.

В основу работы положено утверждение, что исторический роман – самостоятельный литературный жанр, в котором содержится художественное воплощение определенной идеи в образе личности – носителя некоего идеала будущих социальных отношений. Отражая эволюцию общества и государства, исторический роман в процессе своего развития закономерно изменяет свои качества. Это выражается в изменении его проблематики и специфики авторского концептуального подхода к действительности.

Методологической основой работы является сравнительно-исторический метод. Исходным положением при анализе развития жанра является логика развития систем, суть которой – в диалектическом процессе движения от зарождения новой системы как результата всего предшествующего развития к ее становлению и преобразованию в элемент более развитой системы, что справедливо и для каждого этапа ее развития.

Данное пособие надо рассматривать как часть серии пособий, рассматривающих развитие советского исторического романа на всем протяжении XX в. В пособии рассматривается специфика интерпретации таких эпохальных для нашего Отечества событий, как революция и Гражданская война. В тексте анализируются и описываются различные алгоритмы взаимодействия исторической реальности и дискурса советского исторического романа.

Глава 1

«Что же делать бедному еврею?»:

И. Э. Бабель и революция

Бабель (Бобель, 1894–1940) – один из ярчайших представителей «ожной школы» советской литературы (в зарубежных исследованиях часто употребляют эпитет «советский Мопассан») начал печататься еще в горьковской «Летописи» (1916). За ранние рассказы автора даже собирались привлечь к суду «за порнографию», отметим, что сексуальная тема всегда очень ярко проявлялась в его творчестве, но мы не рассматриваем подробно в данной работе ни «Одесские рассказы» (с этой точки зрения), ни драмы «Закат» и «Мария», повсеместно считающиеся вершиной его творчества.

Осенью 1917 г. Бабель, отслужив несколько месяцев рядовым на румынском фронте, дезертировал и пробрался в Петроград, где в начале 1918-го пошёл работать переводчиком в иностранный отдел ЧК, а затем в Наркомпрос, свободно владея французским языком. Весной 1920 г. по рекомендации Михаила Кольцова под именем *Кирилла Васильевича Лютова* был направлен в 1-ю Конную армию в качестве военного корреспондента, был там бойцом и политработником. Во время советско-польской войны 1920 г. вёл записи («Конармейский дневник»), послужившие основой для будущего сборника рассказов. В 1923–1924 гг. журналы «Лев», «Красная новь» и другие издания поместили ряд его рассказов, позднее составивших цикл «Конармия». Бабель сразу же получил широкое признание, как блестящий мастер слова. Его первая книга «Рассказы» вышла в 1925 г., а в 1926-м увидело свет первое издание «Конармии», в последующие годы многократно переизданной. Известна эпиграмма 20-х гг. (в передаче В. Катаева):

*Подпушек гром, под звоны сабель
От Зоценко родился Бабель.*

Естественно, что советская критика тех лет, сразу обвинила писателя в «антипатии делу рабочего класса» и упрекала его в «натурализме и апологии стихийного начала...», поскольку рас-

сказы цикла «Конармия» оказались в явном контрасте с революционной пропагандой того времени, создававшей героические мифы о красноармейцах («Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова). У Бабеля появились недоброжелатели: так, С. М. Буденный был в ярости от того, как Бабель описал жизнь и быт конармейцев, К. Ворошилов в том же 1924 г. жаловался Дмитрию Мануильскому – члену ЦК, а позже главе Коминтерна, что стиль произведения о Конармии был «неприемлемым»¹.

Накануне выхода первого издания Конармии, когда многие рассказы этого цикла были уже напечатаны в журналах, заведовавший Госиздатом поэт Владимир Нарбут просит Горького (07.08.25): «сказать два слова читающей братии и об этом писателе, так несправедливо и жестоко осуждаемом в настоящее время кое-кем из наших доморожденных критиков (например, Осинским в «Правде» и напостовцами со знаменитым Семеном Родовым во главе)»². Кроме того, в травле Бабеля поучаствовали и В. Вешнев³, и Т. Чурилин⁴.

Как всегда своеобразно выразился Виктор Шкловский: «Бабель увидел Россию так, как мог увидеть её французский писатель, прикомандированный к армии Наполеона». Впрочем, далее он похвалил автора: «Русская литература сера как чижик, ей нужны малиновые галифы и ботинки из кожи цвета небесной лазури. Литературе нужна конкретность и скрещивание с новым бытом для создания новой формы – И заключил – книги Бабеля, хорошие книги»⁵.

Несмотря на все выпады РАППа, молодогвардейцев, пролеткультовцев и краскомов, Бабель пребывал под покровительством Максима Горького, что гарантировало публикацию книги. В ответ на нападки Будённого, Горький заявил: «Читатель внимательный, я не нахожу в книге Бабеля ничего «карикатурно-пасквильного», наоборот: его книга возбудила у меня к бойцам «Конармии» и любовь, и уважение, показав их действительно героями, – бесстрашные, они глубоко чувствуют величие

---

¹ Так же см.: Буденный С. Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3.

² Тимофеев Л. И. Горький в переписке с советскими писателями // Лит. наследство. М., 1963. Т. 70. С. 14.

³ Поэзия бандитизма // Мол. гвардия. 1924. № 7–8

⁴ Сегодняшнее-вчерашнее. Тугие дела на литературном фронте // Альманах Пролеткульта. М., 1925.

⁵ Шкловский В. Бабель: критический романс // ЛЕФ. 1924. 2–6. С. 152–164.

своей борьбь». Дискуссия продолжалась до 1928 г. и нападки особенно усилились с «падением» редактора «Красной Нови» А. Воронского. Иллюстрацией может послужить следующая заметка из газеты «Читатель и писатель» (18 февраля 1928 г.): «Кю дню 10-летия Красной армии клубные кружки 56 Кавалерийского полка готовят литературный суд над «Конармией»... при участии инспектора кавалерии Красной армии, члена Реввоенсовета, С. М. Буденного и автора «Конармии», И. Бабеля».

Более подробный обзор дискуссии, как нельзя лучше иллюстрирует процессы формирования историко-революционной прозы в СССР. Уже упомянутая заметка Буденного в журнале «Октябрь» (№ 3, 1924) имела оригинальное название: «Бабизм Бабеля из «Красной нови». В ней Буденный возмущался тем, что «художественно-публицистический журнал, с ответственным редактором-коммунистом во главе» разрешил «дегенерату от литературы» Бабелю «оплевывать слюной классовой ненависти» 1-ю Конную красную армию, являющуюся «величайшим орудием классовой борьбь». — Неужели т. Воронский, — задаёт вопрос Буденный, — так любит вонючие бабье-бабелевские пикантности, что позволяет печатать безответственные небылицы в столь ответственном журнале».

Несомненно, в новеллах Бабеля в довольно жёсткой и неприглядной форме показаны характеры бойцов революции, их необразованность и жестокость. Образы персонажей рассказов были далеки от пропагандистских стереотипов с неременной героизацией красноармейцев. В итоге Буденный, потребовал... расстрела автора. В связи с этим выход книги в свет стал возможным только благодаря Горькому. Она в полном виде появилась в 1926 г.

«Товарищ Буденный охаял “Конармию” Бабеля, — писал Горький в “Правде”. — Мне кажется, что это сделано напрасно: сам товарищ Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев...».

Буденный не замедлил с ответом Горькому: «От сверхнахальной бабелевской клеветы, — писал он, — Конная армия, буквально, встала на дыбы...». И его, <Буденного>, почтовый ящик переполнен решительными протестами и категорическими требованиями унять зарвавшегося писаку. Горький, в свою очередь, посоветовал оппоненту, не судить о литературе с высоты своего коня. Потом он заметил, что «...для правильной и полез-

ной критики необходимо, чтобы критик был или культурно выше литератора, или, по крайней мере, стоял на одном уровне культуры с ним... Вы можете физически уничтожить его <Бабеля>, возбуждая ваших бойцов против человека, оружие которого – только перо...». Горький знал, о чем писал, самочинные расправы для советской действительности не являлись чем-то экстраординарным, можно напомнить об убийстве бывшего генерала Слащева, ставшего преподавателем Академии РККА, убийстве Г. Котовского и расправу его соратников с убийцей.

Однако в редакции Горького попросили смягчить формулировки. Но и в опубликованном варианте он ещё раз подчеркнул, что в книге Бабеля нет ничего карикатурно-пасквильного. Что она скорее возвышает, чем унижает доблестных бойцов Конной армии.

Сам же Бабель сделал куда более серьёзные выводы из «справедного гнева» командарма 1-й Конной. Это были выводы и деловые, и политические и, как ни странно, он сумел повернуть ситуацию в свою пользу в обоих направлениях. Нападки Буденного, он воспринимает как подспорье в расширении популярности «Конармии». Вот что он пишет своему другу скульптору И. Л. Лифшицу: «Я думаю, что письмо Буденного должно способствовать расхождению «Конармии». Поэтому прошу тебя справиться в главном складе (хорошенько справиться!) об оставшихся экземплярах 3-го издания «Конармии»... Если Госиздат откажется переиздавать, я немедленно продам эти книги в другое издательство. Я думаю, что такой дар небес, как письмо Буденного, надо всемерно использовать...»¹.

А в политическом плане, позиционируя себя как «начинающего писателя» (!) впоследствии стал утверждать, что «Конармия» и ему лично не нравится, что всё написанное им ранее просит рассматривать, как безответственные потуги любителя. Напомним, что в 1925–1926 гг. у этого «любителя» на самом деле вышли следующие книги: «Любка Козак: Рассказы», «История моей голубятни: Рассказы», «Рассказы», «Конармия», «Беня Крик: Киноповесть», «Блуждающие звезды: Киносценарий».

Леонид Утесов включил рассказы Бабеля в свой репертуар. Драма «Закат» ставилась в 1928 г. в Баку, на Украине (в Одессе она шла сразу в двух театрах: Русском и Украинском и в обоих с

---

¹ Цит. по: Фейдин Г. Вопрос Возвращения II: «Великий перелом и Запад в биографии И. Э. Бабеля начала 1930-х годов». М., 1992. С. 27

аншлагом) и в Москве, в МХАТ II. Также многочисленные отклики в прессе не позволяют говорить о Бабеле как о малоизвестном авторе. Напротив, о широчайшей, даже фантастической популярности писателя в сборнике «И. Бабель. Воспоминания современников» (М., 1972) говорят более двух десятков писателей, актеров, журналистов кинематографистов. По свидетельству критика А. Лежнева, только в течение года, предшествовавшего появлению отдельного издания Конармии, «объем критической литературы о нем превысил объем всего, что сам Бабель успел за последнее время опубликовать...». Эмигрантский критик (одновременно член Компартии Великобритании) Д. Святотоплк-Мирский утверждал, что сила искусства Бабеля – в его умении «заострить» трагический анекдот и даже проводил параллель с повестями Пушкина. Но одновременно прозорливо заметил, что даже в своих самых актуальных произведениях вроде цикла «Конармия», принесшего Бабелю мировую славу, писатель остается политически «неангажированным»: «Идеология для него конструктивный прием»¹. Кстати, Владимир Набоков, не слишком щедрый на похвалу, считал книгу Мирского «лучшей историей русской литературы на любом языке, включая русский».

Бабель эту мысль об ученичестве продолжил даже на Первом съезде советских писателей, где указал на образец, достойный подражания. Как для себя лично, так и для всех прочих: «Посмотрите, – говорил он, – как Сталин кует свою речь, как кованы его немногочисленные слова... Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, над словом нам надо...»².

Вездесущая агентура НКВД (ее представители явно были и среди делегатов) донесла, однако начальству и другие отзывы писателя о съезде: «Единодушные литературных сил СССР демонстрируется искусственно, из-под палки. Поэтому съезд и проходит мертво»³.

Чем же так задела «Конармия» коммунистическую и военную элиту? Давайте все же более подробно рассмотрим эти рассказы. Это не компактное повествование, а сборник из 38 но-

---

¹ Contemporary Russian literature, 1881–1926. N, Y., 1926. P. 82.

² Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990. С. 165.

³ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Приложения. М., 1990. С. 18.

велл, не всегда связанных едиными героями. Лютов, главный герой-рассказчик цикла – это псевдоним Бабеля в качестве военного корреспондента 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Естественно, что в образе героя явственно сквозит автобиографическое начало. Но, по умению «держаться дистанцию» между автором и его героями Бабеля можно сравнить с Чеховым. Таков и Лютов – еврей-одессит, брошенный женой; интеллигент, пытающийся примирить принципы общечеловеческого гуманизма с реальностью революционной эпохи: жестокостью, насилием, разгулом примитивных инстинктов. Его «страшная» фамилия плохо сочетается с чувствительностью и душевной тонкостью. Получив назначение, Лютов является к начдиву Савицкому (новелла «Мой первый гусь»), производя на того отрицательное впечатление своей интеллигентностью. Это явствует с первых же строк рассказа: «Ты грамотный?» – спросил Савицкий, и узнал, что Лютов «грамотный»: «кандидат прав Петербургского университета», смеясь, закричал ему: «Ты из киндер-бальзамов... и очки на носу»... Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки...». Автор не случайно делает главным героем человека «чужеродного», интеллигентного и образованного, только такой человек мог осмыслить и понять весь трагизм революции.

Ее разрушительная сила ярко показана в новелле «У святого Валента». В небольшом городке Берестечко самым значимым местом является храм. «Он был «могущественный, белый», колонны, тонкие, как свечи... Звуки органа, то тягостные, то поспешные... полет их был труден, след звенел жалобно и долго...». Пораженный «ослепительным светом», «танцующими лучами», Лютов не сразу обращает внимание на разрушения в костеле: «...Кошунственное изображение Иоанна», рассыпавшиеся цветы и книги». Всю трагичность ситуации он понимает, лишь с появлением звонаря Людомирского. Он <Людомирский> был в ужасе от кошунственного обращения со святынями – расколота рака с мощами святого. К тому же за органом сидел «пьяный, дикий Афонька Беда... Он пытался сыграть на органе марш...». Здесь наиболее четко выражена авторская позиция. Для Бабеля трагедия гражданской войны заключается в том, что она убивает душу человека, размывая грань дозволенного.

При внимательном рассмотрении «Дневник» и рассказы оказываются непохожими. Но это можно понять. Форма «острашения» автора «Дневника» от реальности, продиктованная в ситуации гражданской войны необходимостью самосохранения, в

«Конармии» превращается в эстетический прием, дающий возможность, с одной стороны, – обнажить грубость и варварство красных казаков, а с другой – позволяющий акцентировать отчуждение еврейского интеллигента, пытающегося жить в чуждой ему, чудовищно жестокой жизни. Бабель точен в изображении того, как веками копившаяся классовая ненависть огрубляет человеческое поведение. Хотя Лютов и хочет стать своим для конноармейцев, и для достижения этой цели, бесстрастно убивает гуся и, когда победа, казалось, достигнута, когда казаки, наконец, говорят: «парень нам подходящий», а Лютов, торжествуя, читает им речь Ленина в газете, появляется ощущение, что победа-то его какая-то странная, неполная. Между Лютовым и красноармейцами сохраняется дистанция. В нем ещё осталось что-то человеческое, но в системе ценностей героя нет будущего. Есть только настоящее. Вся жизнь будто пульсирующее переживание. Бабелевский мир, по сути раскрываемых в нем простейших человеческих отношений, трагичен – из-за постоянного вмешательства смерти в течение жизни.

Бабель намеренно строит сюжет на видении мира, отражающем, главным образом, сознание одного человека. Таким образом, автор освобождает себя от необходимости мотивации происходящего и, что важнее, от раскрытия логики собственно военных событий – для книги о войне «Конармия» содержит удивительно мало фабульного действия как такового. Сюжетный ряд строится таким образом, чтобы передать зрительное, слуховое восприятие главного героя. Структура стиля Бабеля представляет живой мир как нечто осколочное и оборванное, нет в нем цельности. Такова же и форма речи – пестрая полифония. Во многом этому способствует, введение в ткань повествования живых разговорных вульгаризмов и грамматических искажений: «...обязаны вы принять этого человека к себе в помещение и без глупостей, потому этот человек пострадавший по ученой части...» И сам автор как бы заключает: «Эта летопись будничных злодеяний, которая теснит меня неутомимо, как порок сердца...»

Но в этом ряду не очень связанные между собой эпизоды, выстраиваются в огромные мозаичные полотна. Описывая характеры героев, границы между их душевными состояниями, неожиданные поступки, автор рисует бесконечную разнородность действительности, способность человека одновременно быть возвышенным и обыденным, трагическим и героическим,

жестоким и добрым, рождающим и убивающим. Бабель мастерски играет психологическими переходами, колеблясь между ужасом и восторгом.

Вот Иван Анкифиев – повозочный Ревтрибунала, получающий приказ отвезти в Ровно дезертира, дьякона Ивана Агеева, симулирующего глухоту (рассказ «Иваны»). Отношения героев-тезок основаны на абсурдном сочетании ласки и ненависти. Анкифиев периодически стреляет у дьякона над ухом из револьвера, чтобы изболбить симулянта и иметь повод убить его. От выстрелов дьякон действительно начинает плохо слышать; он понимает, что вряд ли доедет живым до Ровно, о чем и говорит Лютову. В дальнейшем Анкифиев, несмотря на тяжелое ранение, остается в строю («Чесники»). После боя он обвиняет Лютова в том, что тот идет в атаку с незаряженным наганом («После боя»); Падая на землю в припадке, Акинфиев разбивает лицо, а Лютов «пошел вперед, вымаливая у судьбы простейшее из умений – умение убить человека».

Аполлинарий (Аполек) – старый монах, художник-иконописец. Тридцать лет тому назад («Пан Аполек») он явился в Новоград-Волинский вместе с приятелем, слепым музыкантом Готфридом, и получил заказ на роспись нового костела. Персонажам икон Аполек придает черты горожан, вследствие чего его обвиняют в богохульстве: в течение тридцати лет длится война между церковью и богомазом, который «производит в святые» реальных людей. Прихожане защищают Аполека, и церковникам не удается уничтожить его росписи. В беседе с Лютовым Аполек излагает «истинные» версии агиографических сюжетов, придавая им такой же бытовой колорит, как и своим иконам. Рассказы Аполинария сурово осуждает костельный служка пан Робацкий. В дальнейшем («У Святого Валента») Лютов видит росписи Аполека в костеле Берестечка; манера художника характеризуется как «обольстительная точка зрения на смертные страдания сынов человеческих».

Афонька Беда – конармеец-взводный, которого Лютов вначале называет своим другом. В рассказе «Путь в Броды» Афонька Беда рассказывает ему притчу о пчеле, не захотевшей ужалить Христа, после чего заявляет, что пчелы должны претерпеть мучения войны, ибо она ведется и для их пользы. Казаки его взвода «для смеху» секут плетью пеших ополченцев. Вскоре в перестрелке убивают коня Афоньки; наутро герой исчезает и отсутствует несколько недель. Когда дивизия вступает в Бере-

стечко, навстречу ей выезжает Афоня на рослом жеребце; за это время он потерял один глаз. Затем герой «гуляет»: пьяный, разбивает в костеле раку с мощами святого и пытается играть на органе, аккомпанируя своим песням («У Святого Валента»). Увидев, что Лютов не может застрелить смертельно раненного телефониста Долгушова, чтобы прекратить его мучения («Смерть Долгушова»), Афонька сам делает это, после чего начинает относиться к Лютову с ненавистью за его слабость и отсутствие, по его мнению, истинного милосердия: «Более того, взводный в запале готов пристрелить и сердобольного Лютова: «Уйди! Убью! Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку...»

Балмашев Никита – конармеец. В рассказе «Соль» – герой-рассказчик, автор письма в редакцию, посвященного теме «неосознанности женщин, которые нам вредные». На станции Фастов бойцы из конармейского эшелона отбиваются от многочисленных мешочников, везущих соль и пытающихся сесть в поезд; однако Балмашев жалеет одну из женщин, на руках которой грудной ребенок, и сажает её в вагон, причем убеждает бойцов не насиловать её. Однако через некоторое время Балмашев догадывается, что женщина обманула их, а в её свертке – «добрый пудовик соли». Оскорбленный низостью женщины, которую бойцы «возвысили как трудящуюся мать в республике», Балмашев сначала выбрасывает её на ходу из вагона, а затем, чувствуя, что это недостаточное наказание, убивает из винтовки. Письмо Балмашева завершается клятвой от имени бойцов второго взвода «беспощадно поступать со всеми изменниками» (этот сюжет впоследствии использует и Шолохов в «Донских рассказах». – *Прим. авт.*).

Брацлавский Илья – сын житомирского раввина Брацлавского; впервые Лютов встречается с ним в доме отца («Рабби»): это юноша «с могущественным лбом Спинозы, с чахлым лицом монахини», он демонстративно курит в присутствии молящихся, его называют «проклятым сыном, непокорным сыном». Через некоторое время он уходит из дома, вступает в партию и становится командиром полка («Сын рабби»); когда фронт прорван, полк разбит, сам герой умирает от тифа.

Галин – один из сотрудников газеты «Красный кавалерист», «узкий в плечах, бледный и слепой», влюбленный и прачку Ирину. Он говорит ей о русской истории, однако Ирина уходит спать с поваром Василием, «оставив Галина наедине с луной». Подчеркнутая тщедушность персонажа резко контра-

стирует с проявляемой им силой воли: он называет Лютова «слонтяем» и говорит о «политическом воспитании Первой конной» – в то время как из открывшейся двери кухни «высовываются в прохладу» ноги Ирины и Василия».

Гедали – герой одноименного рассказа, старый слепой еврей-философ, хозяин лавочки в Житомире. В беседе с Лютовым он выражает готовность принять революцию, но сетует, что в ней много насилия и мало «добрых людей». Гедали мечтает об «Интернационале добрых людей»; он не может понять разницу между революцией и контрреволюцией, поскольку та и другая несут с собой смерть.

Дьяков – начальник конского запаса дивизии, бывший цирковой атлет. Когда конармейцы насильственно меняют своих измученных лошадей на более свежих крестьянских («Начальник конзапаса»), мужики протестуют: один из них говорит Дьякову, что доставшаяся ему «в обмен» лошадь не может даже встать. Тогда Дьяков, которому придан романтически-театральный облик (черный плащ и серебряные лампы вдоль красных шаровар), подходит к лошади, и та, почувствовав «умелую силу, истекавшую от этого седого, цветущего и молодцеватого Ромео», непостижимым образом поднимается на ноги.

Конкин – герой одноименного рассказа, бывший «музыкальный эксцентрик и салонный чревоугодник из города Нижнего», ныне «политический комиссар Н-ской кавбригады и трехкратный кавалер ордена Красного Знамени». На привале он «со всегдашним своим шутством» рассказывает, как однажды, раненный во время боя, преследовал польского генерала, который ещё дважды ранил его. Однако Конкин настигает поляка и уговаривает сдаться; тот отказывается сдаться нижнему чину, не веря, что перед ним – «высший начальник». Тогда Конкин «по старинке» – не открывая рта – матерно ругает старика. Узнав, что Конкин – комиссар и коммунист, генерал просит героя зарубить его, что тот и делает; при этом сам Конкин уже почти теряет сознание от потери крови.

Курдюков Василий – мальчик конармеец, диктующий Лютову письмо к матери («Письмо»), в котором бесстрастно повествует о судьбе своего брата Федора – красноармейца, зверски убитого их отцом, Тимофеем Родионовичем Курдюковым – командиром роты у Деникина; Тимофей пытается и самого Василия, но тому удается бежать. Он добирается в Воронеж к другому брату – Семену, командиру полка у Буденного. Вместе с ним

Василий отправляется в Майкоп, где Семен, пользуясь авторитетом, получает в свое распоряжение отца, взятого в плен вместе с другими деникинцами, подвергает его жестокой порке, а затем убивает. Курдюкова, диктующего письмо, больше, чем судьбы отца и братьев, волнует судьба его оставленного коня Степки. Окончив диктовать, Василий показывает Лютову фотографию своей семьи – Тимофея «со сверкающим взглядом бесцветных и бессмысленных глаз», «чудовищно огромных, тупых, широколицых, лупоглазых» Федора и Семена и «крохотной крестьянки с чахлыми светлыми и застенчивыми чертами лица» – матери, которой адресовано письмо.

Лёвка – кучер начдива, бывший цирковой артист. В рассказе «Вдова» Лёвка упрасивает Сашку – «полковную жену» командира полка Шевелева – отдаться ему (сам Шевелев смертельно ранен). Комполка дает Сашке и Лёвке последние распоряжения; как только он умирает, Лёвка требует у «вдовы», чтобы та выполнила наказ и отослала матери Шевелева его «одежду, сподники, орден»; в ответ на слова Сашки о несвоевременности этого разговора Лёвка разбивает ей кулаком лицо, чтобы «помнила память» покойного.

Сама Сашка – санитарка 31-го кавполка, «дама всех эскадронов». В рассказе «Чесники» Сашка уговаривает казачонка Степку Дуплищева случить принадлежащего начдиву кровного жеребца Урагана с Сашкиной кобылой, обещая за это рубль; в конце концов, тот соглашается, однако после случки Сашка уезжает, не отдав Степке денег. В рассказе «После боя» Сашка не желает сесть за стол рядом с командиром первого эскадрона Воробьевым из-за того, что он и его бойцы не проявили себя в атаке должным образом.

Павличенко – «красный генерал», герой-рассказчик «Жизнеописания Павличенки Матвея Родноныча». В рассказе «Чесники» «своевольный» Павличенко даже пререкается с Ворошиловым, не желая начинать атаку не в полном составе дивизии. Будучи пастухом в Ставропольской губернии, женился на девушке по имени Настя. Узнав, что помещик Никитинский, у которого он работал, пристает к его жене, просит расчет; однако помещик заставляет его в течение десяти лет выплачивать долг. В 1918 г., уже став командиром красноказачьего отряда, Павличенко приезжает в усадьбу Никитинского и предаёт его мучительной смерти в присутствии сумасшедшей жены помещика. Характерна мотивировка: «Стрельбой от человека только

отделаться можно: стрельба – это ему помилование, а себе, гнусная легкость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу пли более часу, мне желательно узнать, какая она у нас есть...»

Прищепа – герой одноименного рассказа: «молодой кубанец, неутомительный хам, вычищенный коммунист, будущий барахольщик, беспечный сифилитик, неторопливый враль». За то, что Прищепа бежал от белых, они убили его родителей; имущество было расхищено соседями. Вернувшись в родную станицу, Прищепа мстит всем, у кого находит вещи из своего дома. Затем он, запершись в хате, двое суток пьет, поет, плачет и рубит шашкой столы; на третью ночь поджигает дом, убивает корову и скрывается из станицы.

Ромуальд – помощник ксендза в Новограде-Волынском, шпионящий за красноармейцами и расстрелянный ими. В рассказе «Костел в Новограде» Лютов (не зная, что Ромуальд – шпион) пьет с ним ром. В рассказе «Пан Аполек» Ромуальд оказывается «прототипом» Иоанна Крестителя на иконе, написанной Аполеком.

Савицкий – начальник шестой дивизии. В рассказе «Мой первый гусь» говорится о «гигантском теле» героя, о том, что от Савицкого «пахнет духами и приторной прохладой мыла». Когда Лютов является к нему с приказом о назначении в дивизию, Савицкий называет его «паршивеньким». В рассказе «Переход через Збруч» Лютову снится, что Савицкий убил комбрига за то, что тот «поворотил бригаду».

В рассказе «Комбриг два» Савицкий назван «пленительным»; именно его выучкой Лютов объясняет молодецкую кавалерийскую посадку Колесникова, командира второй бригады. После неудачных боев Савицкий смещен с должности («Смерть Долгушова», «История одной лошади») и отправлен в резерв; он живет с казачкой Павлой в Радзивилове – «облитый духами и похожий на Петра Великого». Савицкий забирает у Хлебникова, командира первого эскадрона белого жеребца («История одной лошади»); после тщетных попыток вернуть его Хлебников пишет заявление о выходе из ВКП(б), поскольку партия не может восстановить справедливость в его деле. После этого у него начинается нервный припадок, и в итоге его демобилизуют «как инвалида, имеющего шесть поранений». Лютов сожалеет об этом, поскольку считает, что Хлебников был похож характером

на него: «Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони». В рассказе «Продолжение истории одной лошади» Хлебников – председатель уездного ревкома на Витебщине; он пишет Савицкому примирительное письмо. Савицкий вновь командует дивизией, которая ведет тяжелые арьергардные бои; об этом Савицкий пишет в ответном письме Хлебникову, обещая увидеться с ним разве что «в царствии небесном».

Сашка Христос (Коняев) – конармеец, герой одноименного рассказа. Когда Сашке было 14 лет, он отправился в Грозный, подручным к отчиму Тараканьчу, который работал плотником. От прохожей нищенки они оба заразились сифилисом. Когда они возвращаются в станицу, Сашка Христос, угрожая рассказать матери о болезни отчима, получает у него разрешение уйти в пастухи. Герой «прославился на весь округ простодушием», за что получил прозвище «Христос». В рассказе «Песня» он назван «эскадронным певцом»; в избе, где стоит Лютов, Сашка поет под гармонику кубанскую песню:

Звезда полей над отчим домом.

И матери моей печальная рука...

Сидоров – сосед Лютова по квартире в Новограде-Волынском («Солнце Италии»), изучающий по ночам итальянский язык и план Рима. Лютов называет Сидорова «тоскующим убийцей». В письме к женщине по имени Виктория Сидоров рассказывает о былом увлечении анархизмом, о своем трехмесячном пребывании в махновской армии и о встрече с лидерами анархистов в Москве. Герой тоскует без «настоящего» дела; ему скучно и в Конармии, поскольку из-за раны он не может быть в строю. Сидоров просит Викторию помочь ему отправиться в Италию для подготовки там революции. Основа образа Сидорова – сочетание светлой романтической мечты и мрачного мотива смерти: «ночь, полная далеких и тягостных звуков, квадрат света в сырой тьме – и в нем мертвенное лицо Сидорова, безжизненная маска, нависшая над желтым пламенем свечи».

Трунов Павел – герой рассказа «Эскадронный Трунов». Из десяти взятых в плен поляков Трунов убивает двоих, старика и юношу, подозревая, что они офицеры. Он просит Лютова вычеркнуть убитых из списка, однако тот отказывается. Увидев в небе вражеские самолеты, Трунов, вместе с Андреем Восмилетовым пытается сбить их из пулеметов; при этом оба они погибают.

И наконец, Лютов – главный герой-рассказчик цикла. Квартирьер, провожающий Лютова к месту ночлега, говорит, что единственный способ стать «своим» среди красноармейцев – быть столь же brutальным, как и они. Встретив весьма нелюбезный прием со стороны бойцов, проголодавшийся Лютов толкает кулаком в грудь старуху-хозяйку, отказавшуюся его накормить, затем убивает хозяйского гуся, раздавив ему голову сапогом, и приказывает старухе изжарить его. Наблюдавшие сцену конармейцы приглашают Лютова к котлу; он читает им «Правду» с речью Ленина, затем они идут спать на сеновал: «Я видел сны и женщин во сне, и только сердце мое, обогрешенное убийством, скрипело и текло». Приехав в занятый Новоград-Волынский («Переход через Збруч»), Лютов занимает квартиру в еврейском семействе и ложится спать рядом с заснувшим хозяином. Герой видит страшный сон – беременная хозяйка будит Лютова, и оказывается, что тот спал рядом с её мертвым отцом, убитым поляками. В рассказе «Костел в Новограде» Лютов отправляется с докладом к военному, живущему в доме ксёндза, и находит его в подземелье костёла: вместе с другими конармейцами они обнаруживают в алтаре деньги и драгоценности. В Житомире («Гедали»), под воздействием воспоминаний детства, Лютов в субботу ищет «первой звезды», а затем беседует с лавочником-философом Гедали, убеждая его (и себя), что зло допустимо в качестве средства к добру, что революция невозможна без насилия, а Интернационал «кушают с порохом и приправляют лучшей кровью». В рассказе «Учение о тачанке» Лютов получает под командование повозочного Грищука и становится обладателем тачанки, перестав быть «парией среди казаков». После перехода из Хотина в Берестечко («Берестечко») Лютов попадает в замок графов Рациборских; глядя оттуда на площадь, видит митинг, на котором военкомдив Виноградов говорит о Втором конгрессе Коминтерна; и вдруг находит обрывок французского письма, датированного 1820 г., в котором идет речь о смерти Наполеона. В рассказе «Вечер» Лютов рассказывает о сотрудниках газеты «Красный кавалерист» – Галине, Слинкине и Сычеве («три холостые сердца со страстями рязанских Иисусов»). Герой – «в очках, с чирьями на шее и забинтованными ногами» – жалуется Галину на болезнь и усталость, после чего тот и называет Лютова слюнтяем. В бою под Хотинем («Иваны») убивают коня Лютова, и он на санитарной повозке подбирает раненых. Очень часто автор описывает сны Лютова.

Во время ночевки («Замостье») Лютов видит во сне женщину по имени Марго, «одетую для бала», которая вначале ласкает его, а затем читает по нем поминальную молитву и кладет пятаки ему на глаза. Наутро штаб дивизии перемещается в Ситанец; Лютов останавливается в хате вместе с квартирьером Волковым – однако противник наступает, и вскоре им приходится бежать на одной лошади; Лютов соглашается со словами Волкова: «Мы проиграли кампанию». В рассказе «Песня» Лютов, угрожая оружием, требует у «злой хозяйки» щей, однако: «Сашка Христос смирил меня полузадушенным и качающимся своим голосом». В рассказе «Аргамак» Лютов решает перейти в строй, в 6-ю дивизию; ему дают лошадь, отобранную по приказу командира эскадрона Баулина у казака Тихомолова в наказание за то, что тот убил двух пленных офицеров. Неумение Лютова обращаться с конем приводит к тому, что спина аргамака превращается в сплошную рану. Лютову жалко коня; кроме того, он переживает, что стал соучастником несправедливости, допущенной в отношении хозяина аргамака. Встретившись с Тихомоловым, герой предлагает ему «помириться», но тот, увидев, в каком состоянии находится конь, отказывается. Эскадронный Баулин за то, что Лютов «норовит жить без врагов», прогоняет его, и герой переходит в 6-й эскадрон.

В Будятичах («Поцелуй») Лютов останавливается на квартире школьного учителя. Ординарец Мишка Суровцев советует дочке учителя, Елизавете Алексеевне Томилиной, лечь спать «поближе» к нему и Лютову», после чего в дом начинают собираться многочисленные старики и старухи, чтобы защитить женщину от грозящего насилия. Лютов успокаивает Томилину; через два дня они становятся друзьями, затем любовниками. Полк по тревоге уходит из Будятичей; однако через несколько недель, оказавшись на ночевке в девяти километрах, Лютов и Суровцев вновь едут туда. Лютов проводит ночь с Томилиной, но перед рассветом ординарец торопит его уехать, хотя герой не понимает причин спешки. По дороге Суровцев сообщает Лютову, что парализованный отец Томилиной ночью умер. Последние слова рассказа (и всей книги): «В это утро наша бригада прошла бывшую государственную границу Царства Польского».

Все рассказы Бабеля наполнены запоминающимися, яркими метаморфозами, отражая драматизм его мировоззрения. И мы не можем не сострадать его внутренним терзаниям, не восхищаться его творческим даром. Его изображение революции

даже спустя почти столетие воспринимается современным читателем, как художественное открытие.

Перечитывая сегодня главную книгу Бабеля, невозможно усомниться в ее общей просоветской направленности, но в ней есть и немало «вольного», даже «криминального» с точки зрения Кремля 30-х гг. И дело тут не только в том, что она вызвала бурный протест у Буденного, обвинившего автора в клевете на себя и своих однополчан. Бабель откровенно пишет и о жестокости, и о распущенности, и об антисемитизме, которые были свойственны этим храбрым, на свой лад убежденным людям, не щадившим жизни ради победы над врагом. Историк культуры Е. Громов замечает: «Такая объективная многогранность в обрисовке изображаемых героев и событий допускалась в 20-е гг., и категорично отвергалась в 30-е. Она выглядела тем иным, мыслимым, которое Сталин выжигал огнем. Прежние «идеалистические» ошибки и срывы рассматривались теперь как тягчайшие преступления. У одних, скажем у А. Толстого, они считались искомплёнными. Другим же, как Б. Пильняку или А. Веселому, и это являлось правилом, они ставились в вину и не прощались. Власть была злопамятна»¹. Какие же историософские и этические выводы мы можем сейчас сделать из кратких (почти телеграфно кратких) социально-психологических зарисовок Бабеля?

Одним из основных мотивов, если не самым основным, является у него мотив «нового человека». Собственно «Конармия» написана именно об этом. О том, что человек этот в конечном итоге хорош и всё в конечном опять же итоге «кончится хорошо». Это именно вера, как *безосновательная убежденность* и в «Конармии», действительно, не содержится никаких оснований для какого-либо позитивного прогноза. Все рассказы «Конармии» абсурдны именно оптимистическими концовками трагических повествований, не содержащих внутри себя никаких просветов. «Конармия» утверждает именно *веру* в нового человека, потому как по его портрету ясно, сколь это абсурдно. Эпатаж, с которым реализована эта схема («потому как абсурдно»), привлечён умышленно, дабы иррациональность упований была очевидна, что роднит «Конармию» с гоголевским «Тарасом Бульбой», особенно в первой, миргородской его редакции, где острые углы ещё не убраны и запорожцы превозносятся отнюдь

---

¹ Громов Е. Сталин: Власть и искусство. М., 1998. С. 284–285.

не «благодаря», а подчеркнуто «вопреки» (параллель, отмеченная Горьким).

Однако всё так только на первый взгляд. Никакой веры у Бабеля нет! Рассказы содержат внутренние достаточно ясные на это намёки. Трагизм в них резко доминирует, эмоциональное состояние рассказчика и, предположительно, читателя, отчётливо подавлено. «Хорошие» концовки выглядят подчеркнуто фальшиво, ибо в отличие от того же «Тараса Бульбы» не вносят никакого вклада в интонацию рассказа и совершенно, как это можно сделать только нарочно, не несут собственного эмоционального заряда. Благодаря этому «хороший финал» никак не изменяет пафоса всего произведения, создавая тем самым требуемое выразительное несоответствие «формы и содержания».

Суть сюжетов подавляющего большинства рассказов, сводится к тому, что если «принять как есть», то дальше «будет легче», если «вытерпеть всё» — оно кончится. Это «принять» и «вытерпеть» всюду требует нарушения совестного запрета и выражается либо действенно (насилие), либо, что встречается чаще, мысленно (его оправдание). Например, эпизод, связанный с убийством гуся, абсолютно ритуальным по своему смыслу, который? Тем не менее, «встраивается» в образ «справедливой власти». Преодоление совести и создаёт ту атмосферу трагизма и подавленности, которой отмечены эти рассказы. Именно эта атмосфера никак не развеивается концовками, что и даёт повод усомниться в вере. Что происходит, когда «приняли» и «перетерпели», то есть когда требуемое исполнено? В первом случае герой получает ожидаемое «встраивание» — конец отчуждённости и положения изгоя, так сказать, «приобретает мир». Но всё дело в том, что мука совести, так ясно и выразительно переданная в тексте, настолько значительнее всего остального, описание имеет столь выраженный в эту сторону крен, что, по сути, рассказ выглядит почти как обличение отступничества, отчётливо показывая, насколько потерянное было больше того, что приобретено. Из этого не следует, что мотив веры в человека просто отсутствует, ибо все рассказы, т. е. «миф Конармии» со всеми её героическими подвигами, жертвами, лишениями, «начдивами», «орденами Красного Знамени» и прочей символикой позитивного; да и в самом рассказе есть сцена, где кавалеристы внимают ленинской речи в «Правде» в «торжествующе глухом» исполнении главного героя. Но финал всё-таки не это, а фраза про «сны», «женщин» и «сердце», восстанавливающая в итоге все

ощущения «гусиной сцены». В «Дороге» герой, выдерживающий всё и, тем не менее, не усомнившийся, на первый взгляд также имеет приобретение. Он приобретает безопасность, покой, освобождение от нищеты и одиночества и даже востребованность, однако здесь финал ещё более неутешителен и даже зловещ. Концовка рассказа «Дорога» является, по сути, ключом к пониманию всех «оптимистических» концовок в «Конармии», поэтому остановимся на ней подробней. Финалу предшествует повествование о невообразимой дороге рассказчика из Киева в Петербург, в которой на фоне невероятной общей нищеты и опасности случились следующие события: на одной из станций расстреляли всех евреев, в том числе и молодого учителя с мандатом, «подписанным Луначарским»; сам рассказчик спасся чудом, и лесник не согласился его укрыть; далее – обмороженные ноги, фельдшер с новым витком еврейской темы, дорога на открытой площадке, нищий город, в котором невозможно рассчитывать на помощь, встреча с Калугиным и, наконец, сигареты и игрушки царской семьи. Всё описано выразительно, сцена расправы вполне подробна. И после – несколько финальных фраз:

«Меня сделали переводчиком при Иностранном отделе. Я получил солдатское обмундирование и талоны на обед. В отведённом мне углу зала бывшего Петербургского градоначальства я принялся за перевод показаний, данных дипломатами, поджигателями и шпионами. Не прошло и дня, как всё у меня было, – одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране. Так началась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья».

Контраст со всем остальным текстом очевиден. «Товарищи, верные в дружбе и смерти», представляются в такой подаче нереальными в сравнении с абсолютно живыми предшествующими персонажами. Новая жизнь, обозначенная подобным пунктиром, кажется неким фантомом при сопоставлении с наглядностью и реальностью всего остального. Конечно, рассказ охватывает дорогу, всё, что дальше, вне его, однако то, как это «дальше» обозначено, безусловно, создаёт контраст. Кроме нереальных «товарищей», здесь уже появились «дипломаты, поджигатели и шпионь» – неприкрытое цитирование понятных источников и почти кошунственная после такого рассказа характеристика наступившей жизни как «полной веселья», лишь частично смягчаемая «мыслью». Итак, нереальны «товарищи» в

сравнении с реальными врагами, нереальны поджигатели и шпионы, нереально веселье, нереально всё, обозначенное своеобразным формально-цитатным образом в сравнении с предыдущим текстом, лишённым этого совершенно. Все приобретения сомнительны, ситуация даже тяжелее, чем в предыдущем случае – страдания абсолютно реальны, «вытерпеть всё» – не вызывает никаких сомнений, а вот дальше – фантом! Описанное есть приём, посредством которого происходит «офальшивливание» и, таким образом, дискредитация «приобретений»; причём если в предыдущем случае ставится под сомнение лишь значимость, то здесь их наличие в принципе. Контраст выверен настолько, что не оставляет сомнений в его преднамеренности. Бабель не верит, что дальше «будет хорошо», тягостность не уходит, всё либо обрывается на ней (большинство рассказов), либо следует имитация хорошего финала, причём ощущение имитированности создаётся особо. Бабель не верит; тогда зачем вообще этот ход, как его можно интерпретировать? Эта имитация веры с явной, находящейся тут же подсказкой про её фальшивость есть признание в том, что он *пытается себя заставить*. «Конармия» увековечивает не веру в нового человека, а бабелевскую попытку «самозаставления». Именно так, по-видимому, следует расшифровывать формально хорошее в финалах при полном отсутствии этого по существу, в ощущении, в интонации, на самом деле.

Чтобы окончательно понять фальшь и мнимость позитива «Конармии», обратимся к «Одесским рассказам». Здесь мы немедленно найдём именно то, что отсутствовало или подчёркнуто симулировалось прежде – радость. Хорошее «Одесских рассказов» – хорошее как таковое. Всяческая двусмысленность по этому поводу отсутствует. Бенья Крик, безусловно, обаятелен, абсолютно неопасен, убийства совершаются как будто понарошку (невероятное умение Бабеля – все убийства в «Одесских рассказах» по тексту всамделишные), финал хорош, в чём бы он ни состоял: если это печаль, то «светлая» («Как это делалось в Одессе»), если сцена расправы (!), то обиженных нет, об увечьях – комично, да и сама расправа опять-таки понарошку («Справедливость в скобках»). Бабель всеми доступными ему средствами делает повествование светлым, дистанция с «Конармией» огромна. Так, если взять, к примеру, избияния, Бенья, всего лишь «испортил столько здоровья, сколько он понимал, что надо испортить». Естественно, нет и следа нищеты.

Безусловно, «Одесские рассказы» фантастичны. Бабель указывает на это, как и всегда, достаточно ясно. Этот город, вслед за А.Грином можно было бы назвать Зурбаганом или Гель-Гью. Никаких реалий действительной жизни Одессы, взаимоисключающие истории бениной женитьбы, откровенная гротесковость деталей. Это эпос. Причём с обязательным для Бабеля эпатажем; Бенья – бандит и живёт исключительно вымогательством, несмотря на это читатель сочувствует ему, а не приставу, ибо таковы симпатии текста.

Искать в рассказах какое-либо соответствие с исторической действительностью бессмысленно. Общеизвестно, что прототипом Бени Крика был лидер криминальной среды Одессы Михаил Винницкий (кличка «Япончик»). Объединяет реального Япончика с бабелевским «королем» только, то, что оба родились на Молдаванке, где в 20-х гг. Бабель прожил несколько лет. Винницкий до 1917 г. никаким лидером одесского криминала не был, а в 1907 г. в семнадцатилетнем возрасте за ограбление мучной лавки получил 12 лет (и то, только потому, что выдал себя за четырнадцатилетнего брата), остальные налетчики были повешены. В эти годы Винницкий уже участвовал в деятельности анархо-максималистских молодёжных групп («Молодая воля», «Маккавей», «Золотая маска») под прикрытием революционной деятельности занимавшихся рэкетом и ограблениями. Но освобождён он был после Февральской революции, вместе с 1600 заключёнными Одесского тюремного замка. Только в 25 лет он стал «Японцем» (или «Япончиком»), причём с благословения Мейера Герша («Гундосого») – одноглазого «короля» одесских уголовников (делившихся на «воров» или «блатных» и «скокарей» – налётчиков). Именно Герш – прототип Фроима Грача в «Одесских рассказах». Никакого пожара полицейского участка архивы дореволюционной Одессы не фиксируют, а Бабель просто перенёс в дореволюционное прошлое и придал этой истории трагикомический колорит, свойственный всем его «Одесским рассказам». В реальности же эти события произошли в декабре 1918 г. во время очередной смены власти в Одессе (всего в 1918–1921 гг. она менялась 14 раз), германские войска начали эвакуацию, войска украинской Директории подходили к городу и тут, в условиях вакуума власти подпольщики-большевики фактически соединились с уголовниками и освободили всех заключённых: «С криками «В тюрьму!» толпа выходит на улицу. Замелькали на поясах и в оттопыренных карманах

револьверы и бомбы... на подходе к тюрьме присоединилась толпа из четырехсот вооруженных людей. Это были одесские налётчики... во главе толпы... стоял легендарный и неуловимый бандит Мишка Японец, вооруженный... с головы до ног... толпа разоружила тюремный караул... кто-то подал мысль взорвать ворота бомбой... Со своей стороны Японец освобождал уголовных. Вскоре тюрьма опустела... Возникла проблема – чем прикрыть арестантскую одежду. Налётчики решили ее в своём стиле – остановили проходивший мимо переполненный трамвай, сняли с пассажиров верхнюю одежду и раздали её заключённым»¹.

Из тюрьмы вышли практически все руководители большевистского подполья, но среди них были и хорошие знакомые Япончика, в частности: убийца германского посла в Москве левый эсер Яков Блюмкин, анархист Марк Нахамкис, брат видного большевистского публициста Ю. Стеклова, большевик Евсей Липман («Макар Лиманов») – руководитель партийной разведки, впоследствии резидент ГПУ в Китае и первый директор Иркутского авиационного завода. Мишка освободил своего брата и отца.

Штурм городской тюрьмы, предпринятый совместно с большевиками и уголовными элементами – один из самых ярких эпизодов Гражданской войны на юге России – был давно и прочно вычеркнут из официальной истории, но в некоторых мемуарах и в устных воспоминаниях сохранился, а у Бабеля этот сюжет трансформировался в материал его великолепной прозы.

Именно здесь, а отнюдь не в «Конармии» – по Горькому – находим мы параллель с «Тарасом Бульбой»; именно здесь, а отнюдь не в «Конармии» нам встречается та пристрастность, которая не «благодаря», а «вопреки», то любование героем, которое абсолютно безосновательно. И именно здесь – соответствующий пафос в целом. Беня Крик – это еврейский Тарас или, как отмечалось неоднократно, еврейский Робин Гуд. Он не даст евреям в обиду – это самое главное, всё остальное неважно. Реальной веры здесь, скорее всего, нет, слишком уж очевиден эпос, но это то, во что Бабеля *хочется верить* – самое главное, что отличает этот цикл от ситуации с «Конармией».

Сделаем вывод: мотив нового человека в действительности распадается у Бабеля на два. Новый человек, в которого хочется

---

¹ Мемуары Ф. Акулова. Здесь и ниже цит. по: Капчинский О. И. Мишка Япончик и другие: криминал и власть в годы Гражданской войны в Одессе. М., 2013. С. 43, 47.

верить, – это отнюдь не «красный конник». В этого человека Бабелю не верится совсем. Человек, на которого хочется уповать, – это невиданный еврейский защитник (в том числе и от красных конников), тот, с которым не связано никакой двусмысленности, кто на самом деле воспет – Беня Крик. Здесь и только здесь неубедительно и мифично плохое и абсолютно зримо и ярко хорошее, совершенно обратное тому, что было в отношении самих «красных конников». Параллельная публикация «Конармии» и «Одесских рассказов» можно интерпретировать как бабелевский намёк, своеобразное бабелевское сетование на странное своё положение, когда *хочется* верить и *нужно* верить. «Одесские рассказы» – выражение чувства, тогда как «Конармия» – отчёт о предпринятых попытках его обретения.

Все наши заключения относительно этих произведений несложно проверить по Дневнику, в котором красной нитью проходят два мотива – красных конников и евреев. Здесь уже абсолютно неприкрыто сомнение в «хорошести» нового человека, с одной стороны, и тоска по еврейскому защитнику – с другой. Дневник, если можно так выразиться, распадается на «Конармию» и «Одесские рассказы», чтобы потом (конец тридцатых годов) второй мотив исчез, а из первого началось выхолащивание той умышленной фальши, которая в действительности и составляла самую суть и весь смысл «конармейских» рассказов. А ведь эти два произведения и являются квинтэссенцией творчества писателя.

Г. Фейдин замечает: «Казалось бы, что возвращение Бабеля в СССР в 1928 г. после длительного пребывания во Франции должно было говорить само за себя и ставить лояльность писателя вне подозрений»¹. Но даже такой доброжелательный и искушенный наблюдатель, как редактор Нового мира Вячеслав Полонский, мог в 1931 г. писать о Бабеле: «Странная судьба писателя. С одной стороны, бесспорно: он «честен» – и не может приспособливаться. С другой – становится все более ясно, что он чужд крайне революции, чужд и, вероятно, внутренне враждебен. А значит, притворяется, прокламируя свои восторги перед строительством, новой деревней и т. п.»²

Возникает естественный вопрос, если Бабель «внутренне враждебен революции», почему он не выбрал эмиграцию, обла-

---

¹ Фейдин Г. Указ. соч. С. 20.

² Полонский В. П. Из дневника // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 195–199.

дая европейской известностью, и имея статус одного из самых ярких советских писателей в начале 30-х гг., к тому же, обладавшего редкой в сталинскую эпоху привилегией – возможностью выбирать место жительства по обе стороны границы СССР. В сборнике документов об отце его дочь от второго брака Наталья красноречиво говорит о желании своего отца воссоединиться с семьей именно в Советском Союзе. Следовательно, напрашивается логичный ответ: Бабель был советским патриотом (именно этот тезис отстаивают все воспоминания о писателе, после его посмертной реабилитации в 1954 г.). Но, как пронзительно заметил американский исследователь: «Понятие патриотизма в применении к Бабелю и его соотечественникам-современникам требует особого уточнения. Действительно, советский патриотизм на втором десятилетии переменчивой советской власти, – это состояние не только сердца, но и ума, причем состояние, в котором сложным образом переплетаются политические, нравственные и практические соображения и оценки, и, что еще существеннее, реакция писателя на события за рубежом»¹.

При всей его очевидной лояльности, у Бабеля все эти соображения складывались в сложную картину. «Родина, – писал он Лифшицу в 1928 г., встретила меня грустно – осенью, слякотью и бедностью такой, что не расскажешь. Только теперь, насмотревшись на богатых, я знаю истинную цену этой бедности. А через несколько дней ему же: «Здесь тебе не Париж – заработать можно»². По словам друга Бабеля И. Слонима, Бабель, вернувшись из очередной поездки по районам коллективизации, говорил ему, что происходящее в деревне намного страшнее того, что ему доводилось видеть в гражданскую войну. Дошедшие до нас рассказы Бабеля о коллективизации, «Гапа Гужва» и «Колывушка», могут служить косвенным подтверждением этому свидетельству. Но, по словам сестры писателя: «Бабель никогда не говорил плохо о Советском Союзе». Американский исследователь суммирует основные причины возвращения Бабеля в СССР после двух последних пребываний в Европе. По его предположениям, фактический отказ Бабеля от эмиграции был связан: «со сложной игрой апелляций к соображениям международного престижа, политическими и литературными свя-

---

¹ Фейдин Г. Указ. соч. С. 21.

² Бабель И. Воспоминания современников. М., 1972. С. 89.

зями и определенным образом конструированной биографией¹. Бабель несомненно надеялся восстановить политический кредит у власти своими новыми произведениями. Трудно с уверенностью сказать, какую именно книгу Бабель имел в виду, когда он защищал себя перед так называемым писательским «Трибуналом» (по поводу интервью о «невозвращенстве», оказавшемся фальшивкой. – *Прим. авт.*). Это могла быть или книга о социалистической перековке одесского жулика («Коля Топуз») или упомянутая в дневниках Фурманова книга о чекистах, или сохранившаяся в черновой, неполной рукописи повесть «Еврейка», или объявленная «Новым миром» книга о коллективизации «Великая Криница», первая глава из которой, под названием «ГапаГужва» была опубликована в десятом номере журнала за 1931 г. (К этому же колхозному циклу принадлежит рассказ «Колывушка» (с подзаголовком «Великая Старица»), впервые опубликованный только в 1963 г. в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути». Затем рассказ перепечатан в журнале «Звезда Востока». 1967. № 3).

По мнению Г. Фейдина, нельзя, впрочем, исключить, что функция такой советской книги была уготована целому циклу рассказов о главном герое Конармии интеллигенте Кирилле Лютове – циклу, созданному на манер автобиографических трилогий Толстого и Горького. В этот цикл могли бы войти псевдоавтобиографические рассказы о детстве, такие как «Первая любовь», «Из книги «История моей голубятни», рассказы о молодых годах Лютова, т. е. «Конармия», а увенчаться этот готовящийся «советский» цикл должен был рассказами именно о советской зрелости Лютова, возможно, участника коллективизации². Но ни одна из этих возможных книг, как известно, опубликована не была.

Тем не менее, уже 3 сентября 1932 г., как бы в награду за усердие он получает заграничный паспорт. В этот день он впервые встретился с Антониной Пирожковой, которая впоследствии станет спутницей последних лет писателя. По воспоминаниям Пирожковой: «Бабель, выехав за границу, писал ей “почти ежедневно”»³.

В СССР писатель возвращается только через год – в августе 1933 г. и, между прочим, не ранее того, как убедился в не-

---

¹ Фейдин Г. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 28.

³ Цит. по: Пирожкова А. (Годы, прошедшие рядом (1932–1939)) // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 232.

перспективности заработать на жизнь во Франции писательским трудом, о чем с горечью, но и не без гордости заявил с трибуны Съезда советских писателей: Надо сказать прямо, что в любой уважающей себя буржуазной стране я бы давно подох с голоду, и никакому издателю не было бы <до этого> дела...»¹.

Находясь за рубежом, он выделяет похвальные отзывы о себе в советской прессе. В письме к сестре Бабель с удовлетворением отмечает похвальные отзывы «Литературной газеты», хотя и подозревает инициативу Горького в этом деле. Бабель мог иметь в виду статью В. Шкловского, «Юго-Запад» в «Литературной газете» от 5 янв. 1933, где лестная оценка Бабеля резко расходилась со снисходительным отзывом о Бабеле и Тынянове того же Шкловского в статье «О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают. Конец барокко» («Литературная газета», 17.06.1932). Отметим также и лестное упоминание Бабеля Д. Мирским в его статье «История одного освобождения» в Литературной газете от 29.02.1932, где Мирский называет произведения Бабеля в числе причин, побудивших его к возвращению в Россию. А как писатель, близкий Горькому и высоко им ценимый, попадает в совершенно особый ряд советских литературных фигур. Однако склоняли Бабеля к возвращению в СССР не только писательская гордость и не только то, что принято называть соображениями сугубо личного порядка, а именно, его знакомство с А. Пирожковой. Главным фактором, по-видимому, было его «серьезное отношение» к советской литературе, в частности, его дружба с Горьким, к которому Бабель испытывал искреннюю привязанность, и защита которого сыграла немалую роль в его литературной судьбе. Создавалась возможность жить, подобно Горькому, как бы «на два дома» и регулярно курсировать между Парижем и Москвой. В письме близким Бабель объясняет свое решение в скором времени вернуться в Москву, необходимостью повидаться с Горьким именно там, чтобы на месте заручиться привилегией и впредь выезжать из СССР. Бабель дорожил своей репутацией лояльного советского писателя. Отдавал он себе отчет и в том, как он был нужен Горькому в той напряженной борьбе, которую его могущественный патрон вел в Москве за новую политику в области культуры. Американский историк и культуролог Соломон Волков

---

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет... С. 167.

обоснованно предположил, что именно Бабель, давая анонимное интервью эмигрантскому «Социалистическому Вестнику» назвал Горького: «вторым человеком в Союзе <СССР> – по своему удельному весу непосредственно следующему за Сталиным»¹. Горький принимал в то время самое активное участие в перестройке писательской организации на новых началах и в преобразовании программы готовящегося съезда писателей в международный праздник советских национальных литератур. На таком празднике советскому писателю с мировым именем, как Бабель, была уготована не последняя роль. Перечить воле Горького в этой ситуации означало бы отплатить за многие щедроты самой черной неблагодарностью, а это, в свою очередь, привело бы к разрыву, на что Бабель, при его ненадежном положении в литературном мире как России, так и Франции, решиться не мог. Разговоры о возвращении Бабеля в Москву велись между ним и Горьким еще в мае 1933 г. перед тем, как сам Горький вернулся в СССР.

Но ведь не надо забывать, что и Горький очень изменился к этому моменту. Об этом можно судить по его статье «Воспитание правдой». В ней Горький поет отходную демократической форме правления и либерализму, а “буржуазной якобы “гуманитарной культуре” противопоставляет “действительно гуманную воспитательную и просветительскую мощь”...ОГПУ» (Опубликовано одновременно в газетах «Правда» и «Известия», 1933, 5 августа).

В Париже Бабель продолжает работу над сценарием фильма «Азеф», и как только возможно, старается оттянуть разлуку с дочерью и женой. Тем временем давление из Москвы возрастало, в форме зловещих слухов о «невозвращенстве», о чем ему сообщала А. Пирожкова, она обратилась к Бабелю с просьбой либо эти слухи подтвердить, либо опровергнуть, что для нее, естественно, было лично очень важно². Первого сентября 1933 г. Бабель сообщил родным о своем благополучном прибытии в Москву и, со вздохом заключил: «Es warhchste Zeit мне вернуться». Но Бабель бы не был Бабелем, если бы его оценки происходящего не были, как перцем приправлены горьким юмором. Вот еще одна цитата из его съездовской речи: «Монтер

---

¹ Волков С. История русской культуры XX в. М., 2012. С. 107.

² См.: Пирожкова А. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) // Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 237.

по соседству избил свою жену. Сбежались люди. Один говорит: дрянной человек... Другой: это припадочный. Приходит третий и говорит: какой черт – припадочный, это контрреволюционер. Товарищи, я испытал чувство расстроенности, когда услышал эти слова. Если в широкую массу... вошло такое высокое духовное понятие о революции, то действительно победа ее окончательна»¹. Ну чем не цитата из «Конармии»?

Трагедия гибели самого писателя очень напоминает сюжеты его новелл. Еще в первые послереволюционные годы в Одессе он познакомился с Евгенией Соломоновной Фейгенберг (Ханютиной) сотрудницей одного из местных издательств. Потом Бабель и Фейгенберг встретились в Москве. К этому времени она уже стала женой наркома внутренних дел СССР и генерального комиссара госбезопасности Николая Ежова. Бабель бывал в доме Ежова, правда, в его отсутствие. Евгения Соломоновна приглашала к себе видных писателей и артистов. Она образовала у себя что-то вроде литературного салона. Вскоре Фейгенберг покончила жизнь самоубийством, а Ежов на следствии показал, что его жена была любовницей Бабеля и Шолохова. Шолохова не тронули (впрочем, об этом отдельно). А Бабель был арестован у себя на даче в Переделкино. Всегдашнего заступника – Горького уже не было в живых. Допрашивали Бабеля с пристрастием, первый допрос длился трое суток, без перерыва. Писателя вынудили признать связь с троцкистами, а также их тлетворное влияние на его творчество. Якобы, руководствуясь наставлениями троцкистов, Бабель намеренно искажал действительность и умалял роль партии. Ещё Бабель подтвердил, что он вел «антисоветские разговоры» среди писателей: Ю. Олеши, В. Катаева, артиста С. Михоэлса и кинорежиссеров Г. Александрова и С. Эйзенштейна. В протоколе было так и записано: «Бабель показал, что в 1933 г. через Илью Эренбурга он установил шпионские связи с французским писателем Андре Мальро, которому передавал сведения о состоянии Воздушного флота...»². Однако на заседании «тройки», 26 января 1940 Бабель отверг все обвинения: «Я не виновен... – заявил он. – Шпионом не был. Никогда ни одного действия не допускал про-

---

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей... Стенографический отчет... С. 167.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Документы. М., 2004. С. 298.

тив Советского Союза. В своих показаниях навел на себя поклёп. Себя и других оговорил по принуждению...»¹. Однако суд не прореагировал на последнее заявление писателя и приговорил его к расстрелу. Приговор привели в исполнение на следующий день, 27 января 1940 г.

Но и на этом страдания писателя, уже посмертные, не закончились. Вот как описывает А. Пирожкова процесс реабилитации: «О возможности реабилитации заключённых я узнала одной из первых. Главного инженера «Мосметростроя» А. Г. Танкевича судили по какому-то выдуманному делу...его не взяли, он находился под домашним арестом и должен был являться на заседания суда...И вот однажды во время перерыва...<он> случайно подслушал разговор адвокатов между собой, что создана комиссия под председательством Генерального прокурора СССР Руденко по реабилитации людей, осуждённых в период культа личности Сталина. Это было в январе 1954 г.... Я... сейчас же написала заявление такого содержания: «Мой муж, писатель И. Э. Бабель, был арестован 15 мая 1939 г. и осуждён сроком на 10 лет без права переписки. По справкам, получаемым мной ежегодно в справочном бюро МВД СССР, он жив и содержится в лагерях. Учитывая талантливость Бабеля, как писателя, а также обстоятельство, что с момента его ареста прошло уже 15 лет, прошу Вас пересмотреть дело И. Э. Бабеля для возможности облегчения его дальнейшей участи.

А. Пирожкова, 25 янв. 1954 г.»

В последующих заявлениях... люди прямо просили о реабилитации. Мне же тогда это слово было незнакомо.

К нашему удивлению, через 10 дней пришёл ответ от Генерального прокурора:

«Ваша жалоба... поступила... и проверяется.

О результатах проверки вам будет сообщено дополнительно. Военный прокурор Генеральной прокуратуры.

Прошло несколько месяцев, в июне мне позвонил... следователь Долженко и пригласил к нему... на улицу Кирова...

Это был довольно симпатичный средних лет человек... Узнав, что я работаю главным конструктором в Метрогиптранс, он сказал:

– Удивительно, при ваших биографических данных.

---

¹ Шенталинский В. «Рабы свободы». Книга вторая // Новый мир. 1996. № 4.

Вопросы, относящиеся к Бабелю, касались его знакомства с Андре Мальро и с Ежовыми.

Я спросила...: Вы дело Бабеля видели?

Он ответил:

– Вот оно передо мной.

– И какое у вас впечатление?

– Дело шито белыми нитками...

И тут я чуть не потеряла сознание... но скоро пришла в себя.

– Тогда он спросил меня, кто мог бы дать хороший отзыв о Бабеле и его знакомых. Я назвала Екатерину Павловну Пешкову, Эренбурга и Катаева.

Подумать только – дело «шито белыми нитками», а нужны отзывы трёх человек, что бы реабилитировать невиновного!

...Я спросила о судьбе Бабеля и Долженко сказал, что он занимается только реабилитацией, а на этот вопрос мне ответят в другом месте, когда он закончит рассмотрение дела...

...Я пошла сразу к Е. П. Пешковой... рассказала о моём разговоре с Долженко и предупредила о возможном визите... В тот же день позвонила к Эренбургу и узнала, что Долженко у них уже был... Эренбург мне рассказал о разговоре и... сказал, что с Андре Мальро (знаменитый французский писатель, герой Французского Сопротивления, идеолог Пятой республики, министр культуры в правительстве де Голля (1958–1969). – *Прим. авт.*) Бабеля познакомил в Париже он сам, а знакомство с Ежовым объяснил профессиональным любопытством писателя к людям всякого ранга, как например, к наездникам ипподрома.

Я спросила Эренбурга, какое у него впечатление о судьбе Бабеля. Он ответил:

– О деле – хорошее, о судьбе – плохое.

И я расплакалась, как ни старалась сдержаться. Эренбург тотчас же стал уверять меня, что Долженко ничего определённого ему не сказал, просто у него такое впечатление...

Предупреждать Катаева... я не стала, но знаю, что разговор <со следователем> состоялся.

С Екатериной Павловной Долженко встретился на другой же день... Она рассказала ему, как Горький и она любили Бабеля, считали его умнейшим человеком и талантливым писателем...

Уже зимой в декабре мне позвонил Долженко и сказал, что дело Бабеля окончено и что я могу получить справку о реабилитации в Военной Коллегии Верховного Суда СССР...

Там мне выдали справку такого содержания:

«Дело по обвинению Бабеля Исаака Эммануиловича рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 18 декабря 1954 г.

...Приговор Военной коллегии от 26 января 1940 г. в отношении Бабеля И. Э. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело о нем за отсутствием состава преступления прекращено».

Я прочла эту справку и спросила о судьбе Бабеля.

И человек, который выдал мне справку, взял ручку и на полях лежавшей на столе газеты написал: «Умер 17 марта 1941 г. от паралича сердца», – дал мне это прочесть. А потом оторвал от газеты эту запись и порвал её, сказав, что в загсе своего района я получу свидетельство о смерти... Я не поверила этому... написала письмо Фадееву... но звонка <его> не дождалась и написала письмо Ворошилову. Через какое-то время мне позвонили из приёмной Ворошилова:

– Клемент Ефремович просит передать вам, чтобы вы поверили в смерть Бабеля. Если бы он был жив, он давно был бы дома.

И только после этого, всё ещё сомневаясь, я пошла в районное отделение загса за свидетельством о смерти Бабеля. Более странный документ трудно представить!

«Место смерти – Z, причина смерти Z.

Документ подтверждал смерть Бабеля 17 марта 1941 года в возрасте 47 лет.

...Я не верила этой дате и оказалась права. В 1984 году Политиздат выпустил отрывной календарь, где на странице 13 июля написано: «Девяностолетие со дня рождения писателя И. Э. Бабеля (1894–1940). Мы позвонили в Политиздат... и нам спокойно ответили:

– Мы получили этот год из официальных источников.

Верить в смерть Бабеля не хотелось, но мои хлопоты о розыске его с тех пор прекратились»¹.

Загадка этой официальной лжи решается очень просто. Ещё в 1955 г., когда процесс реабилитации начинался в президиум Веховного Совета были внесены предложения министра ГБ С. Круглова, министра ВД И. Серова и Руденко о массовой выдаче родственникам погибших в репрессиях (т. е. расстрелянным и погибшим в лагерях) ложных справок об обстоятель-

---

¹ Цит. по: Реабилитация, как это было. М., 2000. С. 397–400.

ствах и дате смерти, чтобы затушевать истинные масштабы репрессий: «...С 1939 г. на заявления родственников лиц осужденных к расстрелу органами МВД и ГБ даются ответы, что эти лица «осуждены к 10 годам лишения свободы... В связи с тем, что со времени осуждения прошло более 10 лет подобные ответы заявителей не удовлетворяют... Сообщать же заявителям о действительной мере наказания их родственников в данное время нецелесообразно... В целях разрешения создавшегося положения... были разработаны и внесены в ЦК КПСС следующие предложения:

На заявления родственников лиц, осуждённых к расстрелу... объявлять устно, что осуждённые умерли в местах заключения.

Такие ответы, как правило, давать только членам их семей: родителям, жене – мужу и детям.

При необходимости... выдавать справки о смерти осуждённых через органы ЗАГСА»¹.

Последнее прижизненное издание «Конармии» появилось в 1933 г. В настоящее время «Конармия», переведена более чем на 20 иностранных языков. Но большая часть переписки и весь архив писателя были конфискованы НКВД и, как кажется, пропали навсегда. Антонина Пирожкова умерла в возрасте 101 года и еще успела увидеть памятник И. Бабелю в Одессе.

---

¹ Реабилитация, как это было. М., 2000. С. 179.

Глава 2

Михаил Шолохов: «Темные воды “Тихого Дона”»

Начнем с официальной информации. Михаил Александрович Шолохов (1905 (?) – 1984) автор трех романов («Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину») всемирно известен именно как автор «Тихого Дона» – исторической эпопеи в четырёх томах и в 1965 г. удостоен за нее Нобелевской премии по литературе с формулировкой «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время».

Ранняя биография писателя до сих пор точно не установлена. Миша Шолохов – внебрачный сын украинки, жены донского казака А. Д. Кузнецовой и богатого приказчика (сына купца, выходца с Рязанщины) А. М. Шолохова. В раннем детстве носил фамилию Кузнецов, получил надел земли как «сын казачий». В 1913 г., после усыновления родным отцом, потерял казачьи привилегии, став «сыном мещанина». Миша рос в атмосфере явной двусмысленности, что, очевидно, породило в характере Шолохова привычку скрывать о себе по возможности всё. О юности Шолохова при его жизни распространялись многочисленные легенды, которые ничем не подтверждаются, противоречат историческим фактам и элементарной логике, но писатель их никогда не опровергал. В частности встреча 15–17(?)–летнего продотрядовца с самим батькой Махно. Окончив четыре класса гимназии, юный Миша Шолохов принял сторону победившей силы, установившей хотя бы относительный мир, служил в продотряде, но самовольно снижал обложение людей своего округа; за что и был приговорен ревтрибуналом к расстрелу (спасла молодого Шолохова фальшивая дата рождения, так он, на момент приговора, оказался несовершеннолетним).

Его старший друг и наставница («мамуня» в обращенных к ней письмах), член РСДРП(б) с 1903 г. Е. Г. Левицкая, которой впоследствии был посвящен рассказ «Судьба человека», полагала, что в «шатаниях» Григория Мелехова в «Тихом Доне» много

автобиографического. Михаил Шолохов сменил множество профессий, особенно в Москве, где подолгу жил с конца 1922 по 1926 г. Вначале Шолохов публиковал фельетоны, а с конца 1923 г. – рассказы, в которых с фельетонного комизма сразу переключился на острый драматизм, доходящий до трагизма, с элементами мелодрамы. Именно 1924 г. можно считать началом профессиональной деятельности Шолохова-писателя. 14-го декабря в газете «Молодой ленинец» появился первый из «Донских рассказов» «Родинка», 14 февраля в той же газете печатается рассказ «Продкомиссар», после чего один за другим стремительно выходят «Пастух» (февраль), «Шибалково семя», «Илюха», «Алёшка» (март), «Бахчевник» (апрель), «Путь-дороженька» (апрель-май), «Нахалёнок» (май-июнь), «Семейный человек», «Коловерть» (июнь), «Председатель Реввоенсовета республики» (июль), «Кривая стёжка» (ноябрь). Большинство этих произведений составило сборники «Донские рассказы» (1925) и «Лазоревая степь» (1926, дополненный предыдущий сборник). Первые литературные опыты Шолохова получили высокую оценку А. Серафимовича в журнале РАППа «Красная новь». В тот же период Шолохов становится членом РАППа. Затем, после того как Шолохов закрепился в литературе, он обосновался в станице Вёшенской.

Тома 1–3 «Тихого Дона» опубликованы в журнале «Октябрь» в 1928–1932 гг. Том 4-й в журнале «Новый мир» в 1937–1940 гг. Проблема авторства романа до сих пор не получила окончательного разрешения: некоторая часть литературоведов считает, что автором романа является не Шолохов. Уже сейчас эти исследования превратились в некую «литературную индустрию», напоминая многовековые дебаты об авторстве шекспировских пьес. На роль автора эпопеи выдвигаются не только уроженец Донской области Федор Крюков – выпускник Петербургского историко-филологического института, депутат 1-й Государственной Думы, писатель и публицист, сотрудник журнала «Русское Богатство» и народный социалист, умерший в 1920 г., но и другие донские писатели и журналисты: Виктор Севский, Александр Родионов, Донской атаман Петр Краснов, «пролетарский классик» Александр Серафимович, и даже «коллективный автор» – сотрудники Ростовского ГПУ. Всего, по нашим, естественно неполным, подсчетам, проблеме авторства романа (с точки зрения языка, стиля, этнографических и лингвистических данных, структурной текстологии и т. п.) посвя-

щено около 50 исследований. Для заинтересовавшихся вопросом авторства назовем издание, в котором эти проблемы суммированы¹.

Выдающийся лингвист и философ Ролан Барт утверждал, что «...ценнейшее орудие для анализа и разрушения фигуры Автора дала современная лингвистика, показавшая, что высказывание как таковое... превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих... Автор делается меньше ростом, как фигурка в самой глубине литературной «сцены». Для тех, кто верит в Автора, он всегда мыслится в прошлом по отношению к его книге... что же касается современного скриптора, то он рождается одновременно с текстом, остается только одно время – время речевого акта, и всякий текст вечно пишется здесь и сейчас... Неудивительно поэтому, что царствование Автора исторически было и царствованием Критика, а также и то, что ныне одновременно с Автором оказалась поколебленной и критика... пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улечивается, происходит систематическое высвобождение смысла...»². По Барту «смерть автора» означает не конец авторства, а избавление современной словесности от диктата однозначной авторской интерпретации смысла произведения.

Ярким примером могут здесь послужить споры об авторстве ряда текстов, считающихся произведениями великого филолога и философа Михаила Бахтина. Так, всемирно известная книга «Марксизм и философия языка» (антимарксистская по сути), видимо, была написана участниками его неформальных семинаров. Имеющиеся по этому вопросу данные противоречат друг другу, как раз поэтому, Сергей Аверинцев предлагал оставить вопрос открытым. Да и современные теоретики культуры предпочитают толковать проблему авторства романа, «как условную», вслед за Михаилом Бахтиным и Роланом Бартом.

«Тихий Дон» (далее «ТД») переведен на множество иностранных языков, (английский перевод появился уже в 1934 г.). На протяжении XX в. роман трижды экранизировался (1930, 1958, 1992). История написания и публикаций романа очень

---

¹ Макаров А. Г., Макарова С. Э. Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. М., 2010.

² Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 67.

показательна для важнейшего тренда развития советской литературы, ее отношений с властью и зигзагами политики самой власти и ее вождя.

Из интервью и автобиографий Шолохова известно, что он начал писать «ТД» в октябре 1925 г. Действие романа тогда начиналось во время выступления генерала Корнилова, летом 1917 г. Однако скоро работа зашла в тупик, так как писатель пришел к выводу, что роман о революции на Дону останется непонятным для читателей без рассказа о предыстории этих событий. И Шолохов оставил работу. Почти весь следующий год он потратил на обдумывание замысла, подготовку и обработку материалов. Наконец, осенью 1926 г. Шолохов принялся писать роман снова и по-новому, перенеся его действие в мирные, предвоенные годы. Объём этого раннего варианта он позднее оценивал в 3–8 печатных листов, что соответствует примерно 50–100 страницам печатного текста, и не превышает размера самой маленькой, первой части романа. Некоторое представление о нём дают рукописи романа, найденные в середине 1980-х журналистом Львом Колодным, и ныне хранящиеся в ИМЛИ. Среди них сохранились 10 страниц, датированных осенью 1925 г., в которых рассказывается об отказе казачьего полка подчиниться Корнилову и выступить в Петроград на подавление революции. В каноническом тексте романа этому отрывку соответствует 15-я глава четвертой части. Однако зачинщиком бунта в отрывке 1925 г. выступает не будущий персонаж Иван Алексеевич Котляров, а казак по имени Абрам Ермаков, в котором без труда угадывается главный герой Григорий Мелехов.

Окончательный же вариант романа, судя по сохранившейся рукописи, был начат 6 ноября 1926 г. в станице Вёшенской. Следующие девять месяцев Шолохов постоянно работает над романом. Одновременно он ведет переговоры об издании не написанного ещё романа с сотрудниками издательства «Новая Москва» (и поглотившего его в начале 1927 г. издательства «Московский рабочий»), в котором годом раньше вышли два сборника шолоховских рассказов. Из переписки с ними следует, что уже в апреле 1927 г. был определён состав романа (девять частей) и его временной охват (1912–1922 гг.). К августу 1927 г. были закончены первые три части романа. В начале сентября, вместе с машинописью этих частей и, возможно, ещё какими-то незавершёнными материалами, Шолохов отправился в Москву. Сотрудники редакции позднее вспоминали, что приняли роман

на «ура». Но, несмотря на это и на предварительную договорённость, решение вопроса о публикации затянулось. В ожидании положительного ответа Шолохов обратился за помощью к главному редактору журнала «Октябрь» Александру Серафимовичу, который двумя годами раньше дал ему «путёвку в жизнь», написав очень благожелательное предисловие к сборнику «Донских рассказов». Серафимович прочитал роман и, несмотря на возражение редакции, предлагавшей ограничиться публикацией отрывков, настоял на его скорейшей и полной публикации. Вероятно, решение Серафимовича повлияло и на позицию редакции «Московского рабочего» – в результате и там, в конце октября принимают решение о выпуске отдельного книжного издания. По договору с издательством роман должен был выйти в двух книгах, первая из которых включала бы в себя 1–4-ю части, вторая 5–9-ю. В январе 1928 г. начинается публикация романа в журнале «Октябрь»: в 1–4-м номерах печатаются первые три части. В конце апреля Шолохов снова приезжает в Москву, привезя с собой законченные 4-ю и 5-ю части. С мая по октябрь они публикуются в «Октябре». В мае в издательстве «Московский рабочий» выходит, наконец, отдельное издание первой книги, состоящей теперь только из трёх частей. В январе 1929-го издательство выпускает вторую книгу (4-я и 5-я часть). Почти одновременно роман выходит в серии «Роман-газета», издающейся тем же «Московским рабочим». Всего в 1928 и 1929 гг. «Московский рабочий» выпустил 6 отдельных изданий 1-й и 2-й книг, каждое тиражом в 10 000 экз. Весной 1929 г. Шолохов подписывает на более выгодных условиях договор с ГИЗом. В течение года издательство дважды выпускает роман в двух книгах, каждая тиражом 100 тыс. экз., потом ещё раз переиздаёт его в 1931 г. Книга имеет огромный успех у читателей, а Шолохов сразу становится знаменитым. На 1-м Пленуме РАППа в октябре 1928 г. его вводят в состав редколлегии «Октября». Он становится непременным участником творческих вечеров в писательских организациях, выступает в клубах, на заводах, читает опубликованные и не опубликованные главы из романа. Тысячи писем приходят на его имя от читателей. Однако известность приносит и обратный результат. Многим кажется, что возраст, жизненный опыт и культурный уровень писателя слишком малы для создания столь значительного произведения. Распространяются слухи о плагиате. Уже к весне 1929 г. они достигают такой силы, что руководству РАППа приходится

выступить в прессе со специальным заявлением в защиту Шолохова. 29-го марта «Правда» публикует письмо пяти его лидеров, в котором они уверяют читателей в полной невиновности Шолохова и одновременно угрожают «клеветникам» судебным преследованием. Но в марте же останавливается публикация романа. В первых трёх номерах «Октября» за 1929 г. (январь, февраль, март) выходят первые двенадцать глав 6-й части, затем наступает перерыв. Распространено мнение о том, что остановка произошла по инициативе редакции и была вызвана политическими мотивами или слухами о плагиате. В действительности, как видно из переписки Шолохова, он к этому времени ещё не успел закончить продолжение 6-й части. 3 октября он сообщает А. Фадееву: «Дорогой Саша! Хочу поставить тебя в известность, что в этом году печатать в «Октябре» «Тихий Дон» я не буду. Причина проста: я не смогу дать продолжение...». В то время, когда Шолохов пишет эти письма, окончательно определяется со своим отношением к роману советская литературная критика. Если в конце 1928-го, сразу после выхода романа, некоторые критики поспешили записать Шолохова в «пролетарские писатели», то в 29-м, после продолжительных дискуссий, ему в этом праве было отказано. О Шолохове можно говорить лишь как о «крестьянском писателе, перерастающем (а не переросшем) в пролетарского» – вынужден был признать в октябре один из них, А. Селивановский. На состоявшемся в сентябре 1929 г. 2-м пленуме РАПП роману поставили в вину отрицание классовой борьбы, идеализацию казачества, невыразительность и бледность, по сравнению с представителями белого лагеря, образов «красных героев». В заключение на пленуме было принято решение о необходимости идейно «воспитывать» Шолохова. Когда в начале февраля 1930 г. Шолохов привез в редакцию продолжение 6-й части, ситуация изменилась к худшему. Заболел и слег в кремлевскую больницу А. Серафимович, и место и. о. главного редактора «Октября» занял Александр Фадеев. Последний категорически отказался публиковать книгу в том виде, в каком она была представлена. Видимо, руководители РАППа и журнала знали о сталинской оценке уже опубликованных глав романа: «...тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и других, – но далее в письме к Ф. Кону, вождь оговаривается: – ...но разве из этого следует, что «Тихий Дон» – никуда не годная вещь, заслужи-

вающая изъятия из продажи?» (Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 12. С. 112–115). Сталин, как это он часто и делал, не дает окончательной оценки роману и А. Фадеев, Ф. Панферов и другие решают, что проще остановить дальнейшую публикацию. «Фадеев предлагает мне сделать такие изменения, которые для меня неприемлемы никак. Он говорит, ежели я Григория не сделаю своим, то роман не может быть напечатан», — пишет Шолохов 2 апреля 1930 г. Одновременно он обращается за помощью к Серафимовичу, но тот на этот раз ничего не может сделать. Так и не сумев добиться положительного ответа от редакции «Октября», Шолохов был вынужден публиковать продолжение по частям в менее известных периодических изданиях. В течение 1930 г. в журналах «Красная нива», «Огонёк», «30 дней», «На подъеме» и отдельной книжечке «Девятнадцатая година» были опубликованы 13 новых глав. Весной 1931 г. Шолохов присылает в редакцию «Октября» продолжение 3-й книги. К тому времени Фадеев оставляет пост главного редактора, передав его Ф. Панфёрову. Тем не менее, будучи одним из вождей РАППа, он сохраняет влияние на редколлегию журнала — как это видно из того, что рукопись опять оказывается у него в руках. Шолохову снова отказывают в публикации. Тогда он обращается за помощью к Горькому, Шолохов направляет ему письмо, в котором попытался опровергнуть выдвинутые против него ортодоксальными вождями РАППа обвинения в выдумке и оправдании Вёшенского восстания. Прочитав книгу, Горький, хотя и отметил в ней ряд идеологических недостатков, всё же рекомендовал напечатать её без сокращений. Однако даже мнение Горького не смогло повлиять на непреклонную позицию редколлегии «Октября». Принято считать, что дело сдвинулось с мёртвой точки лишь после вмешательства Сталина, с которым Шолохов встретился на даче Горького в июле 1931 г. Эта важнейшая беседа автора с вождем, определила всю дальнейшую судьбу не только романа, но и будущего нобелевского лауреата.

По позднейшим воспоминаниям самого Шолохова, ему стало ясно, что Генеральный секретарь, который читал не только опубликованные главы, но и рукопись третьего тома, учинил Шолохову целый допрос: почему в <романе> белые изображены «смягченно»? На каких документах основан роман? Зная об обвинениях в плагиате, Сталин, видимо, проверял историческую эрудицию Шолохова. Оправдываясь, тот сказал, что воевавший против большевиков на Дону генерал Лавр Георгиевич Корни-

лов был «субъективно честным человеком». У Сталина, как вспоминал писатель «желтые глаза сузились, как у тигра перед прыжком», но он продолжил спор довольно сдержанно, в своей излюбленной «вдалбливающей» катехизисной манере: «Субъективно честный человек, тот, кто с народом, кто борется за дело народа, а Корнилов шел против народа, пролил «моря крови», какой же он честный человек?». Шолохов вынужден был согласиться и Сталин, видимо довольный беседой, заключил: «Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию. Печатать будем!»¹.

Так или иначе, в январе 1932 г. (одновременно с выходом «Поднятой целины» в «Новом мире») возобновляется публикация романа в журнале «Октябрь», а к октябрю была закончена публикация всей 3-й книги. В это издание Шолохов внёс ряд правок, которыми «красная» сторона была представлена в более выгодном свете, «белые» же казаки – наоборот – дискредитировались; акцент с сословных противоречий смещался на противоречия классовые (между бедными и богатыми). Однако этих уступок оказалось недостаточно: и редакция по своей инициативе изымает значительные куски текста и целые главы. Так, например, не были напечатаны глава, рассказывающая о поездке Петра Мелехова за телом расстрелянного Мирона Коршунова и рассказ казака-старовера о бессудных расправах комиссара Малкина. Эти места и ряд других были восстановлены в отдельном издании 1933 г. Другие отвергнутые тогда главы оказались потерянными, по-видимому, навсегда. По некоторым свидетельствам, в первоначальном тексте имелась также глава с рассказом о работе расстрельной комиссии Малкина и глава, рассказывающая о похоронах Петра Мелехова. В 1933 г. роман впервые издается в трех книгах. В этом издании жёсткой цензуре были подвергнуты также две первые книги. Особенно пострадала пятая часть, из которой исключили целый ряд эпизодов, в частности фрагмент главы с рассказом о сопровождавшей Подтёлкова «милосердной сестре» Зинке; и множество других мест. Одновременно роман был очищен от разного рода «натуралистических» деталей. В 1935–1937 гг. в Гослитиздате выходит первое несерийное издание романа в трёх книгах: увели-

---

¹ Содержание беседы известно только в изложении Шолохова и не является точным источником. Цит. по: Волков С. История русской культуры XX в. М., 2012. С. 155.

ченный формат, мелованная бумага, тканевый переплёт, супер-обложка, иллюстрации. Если на третью книгу Шолохов, по его собственному признанию, потратил три года, то работа над четвертой книгой заняла не менее шести лет. Как вспоминал позднее заведующий ГИЗ Н. Накоряков, Шолохов «перерабатывал её шесть или семь раз». Лишь с ноября 1937-го она печатается в «Новом мире». Сам Шолохов в письме Сталину объяснял задержку неблагоприятной политической обстановкой в районе, созданной краевыми НКВД и партийным руководством: «За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вёшенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело – жаловался он вождю в феврале 1938 г. Но в октябре, узнав, что в Ростовском НКВД заведено уголовное дело, в котором ему отведена роль лидера готовящегося казачьего восстания, Шолохов срочно едет в Москву и добивается приёма у Сталина. Назначается разбирательство, на которое приглашаются члены Политбюро, нарком Ежов и руководители Ростовского НКВД. Шолохов с документами на руках уличает их в провокации. В итоге Сталин принимает сторону Шолохова и заявляет: «Великому русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для работы...»¹.

Вернувшись в станицу, Шолохов приступает к последней части романа. Ее первая глава публикуется в «Известиях». В конце января Шолохов избирается действительным членом Академии наук СССР и награждается орденом Ленина. В 1939–1940 гг. выходит первое полное издание романа в четырёх книгах. Весной 1941 г. за роман «Тихий Дон» Шолохов награждается Сталинской премией в области литературы и искусства (вместе с Дмитрием Шостаковичем, Сергеем Эйзенштейном, скульптором Верой Мухиной).

В центре сюжета жизнь казачьей семьи Мелеховых, прошедшей через Мировую и Гражданскую войны (По утверждению А. и С. Макаровых в находившейся в архиве Ф. Крюкова «Памятной книжке по войску Донскому» с перечнем всех должностных лиц и их полного звания за 1908 г. рукой Крюкова с пометками против выбранных им будущих персонажей была

---

¹ Подробнее см.: Писатель и вождь. Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931–1950 гг. : Сб. док. из личного архива И. В. Сталина / сост. Ю. Мурин. М. : Раритет, 1997.

подчеркнута фамилия Мелехов. К сожалению, этот документ утрачен). Большая часть действия разворачивается на хуторе Татарском (затем Калининский станицы Вёшенской (Макаровы считают это название механическим перенесением в роман заголовка одной из книг Крюкова «Цветок – Татарник»).

От крепкой и зажиточной семьи к концу романа в живых остаются Григорий Мелехов, его сын Миша и сестра Дуня. Главный герой книги Григорий Мелехов – донской казак, офицер, выслужившийся из рядовых. Исторический перелом, напроць поменявший древний уклад донского казачества, совпал с трагическим переломом и в его личной жизни. Григорий не может понять, с кем ему остаться: с красными или с белыми. Мелехов в силу природных способностей дослуживается сначала из простых казаков до офицерского звания, а потом и до генеральской должности (командует повстанческой дивизией в Гражданской войне), но военной карьере не суждено сложиться. Также мечется Мелехов между двумя женщинами: нелюбимой поначалу женой Натальей и Аксиньей Астаховой, первой и самой сильной любовью Григория. И обеих женщин он не смог сохранить. В конце книги Григорий бросает всё и возвращается домой к единственному оставшемуся из всей семьи Мелеховых сыну и к родной земле.

Как отмечают исследователи, в описании Первой мировой и Гражданской войн герои «ТД» действуют, как правило, в своем микромире, но он соответствует историческим реалиям. Главный герой – Григорий Мелехов, начинает службу 12-м Донском полку 11-й кавалерийской дивизии, принимает участие в боях под Бродами, в окрестностях Львова. Автор упоминает и соседнюю 12-ю дивизию, которой командует будущий наказной атаман Каледин, здесь все описываемые события соответствуют данным военных архивов. В романе сотенный командир есаул Полковников, далее описывает эти действия в письме к отцу Григория. Архивные документы подтверждают, не только даты и события, но и реальное существование этого эпизодического героя. В мае 1916 г. Григорий в составе 12-го Донского полка участвует в знаменитом Брусиловском прорыве, к тому времени он уже имеет «полный бант», т. е. четыре Георгиевских креста. Время и место описывается в соответствии с архивными материалами. Прототип Григория, уроженец хутора Базак, той же станицы Вёшенской Евлампий Ермаков, тоже в 1917 г. вернулся с войны с «полным бантом», а затем также служил и у

красных, и у белых. Донской автономист Изварин, также личность историческая и неоднократно упоминаемая в документах. Фактический же материал событий начала 1918 г.: деятельность отряда есаула Чернецова, экспедиция Подтёлкова на Дон, гибель его отряда, появились в публикациях почти одновременно и вполне могли быть доступны автору. Шолохов в последующих воспоминаниях подтверждает и знакомство с «Очерками русской смуты» А. И. Деникина.

Но именно события Вёшенского восстания, а это почти четверть всего текста «ТД», должны свидетельствовать о знакомстве автора с устными источниками: «мне даже ничего не стоило, скажем, второстепенных героев назвать своими именами», – свидетельствует Шолохов. Известно и его письмо к Ермакову, датированное 1926 г. с уточнением подробностей восстания. Ведь повстанцы вряд ли могли грамотно и точно описывать диспозиции (пример переписки между Мелеховым и Кудиновым в 3-м томе «ТД»).

В целом соответствуют архивным документам и статистические данные романа. Автор говорит о 25 тыс. конных и 10 тыс. «пластунов» (пеших бойцов) при шести батареях и 150-ти пулеметах. Сохранившиеся в архивах разведанные штаба 8-й Красной армии говорят о 30 тыс. восставших и значительно меньшем количестве пулеметов и орудий. Разность в исчислении военной техники понятна, в «ТД» неоднократно упоминается о катастрофическом недостатке боеприпасов у повстанцев, красная же разведка засекала, прежде всего, действующую технику.

Так же подтверждается документами не только гибель так называемого Кронштадтского полка и Интернациональной роты, но и неожиданное появление Григория в рядах Первой конной. 14-я Кавдивизия была сформирована именно в апреле 1920 г. и именно из бывших повстанцев. Командовал ею известный Александр Пархоменко. Далее, герой оказывается в банде Фомина, в архивных документах СКВО есть и описание действий банды, ее состава, разгрома и гибели Фомина в марте 1922 г., что точно совпадает с фабулой романа (вспомним, что Ф. Крюкова уже около двух лет не было в живых). Упоминания о Махно и его действиях на юге Донской области, так же соответствует историческим фактам, как и известия о восставшем командире одной из дивизий Первой конной Маслакове (Маслаке), – вспомним «Конармию» Бабеля.

Современный читатель, несомненно, сам должен составить мнение, в частности и о том, на чьей же стороне автор эпопеи (кто бы он или они не были). Но эта бескомпромиссная борьба мнений о политической позиции автора началась с момента публикации и не закончилась до настоящего времени. Уже на заседании комитета по Сталинским премиям кинорежиссер Александр Довженко – создатель по прямому заданию Сталина фильма «Щорс» (об «украинском» Чапаеве) – так отозвался о романе: «Я прочитал книгу «Тихий Дон» с чувством глубокой внутренней неудовлетворенности... – суммируются впечатления следующим образом – ...получается, что жил веками «Тихий Дон», жили казаки и казачки, ездили верхом, выпивали, пели... был какой-то сочный, пахнущий, устоявшийся теплый быт. Пришла революция, советская власть, большевики – разорили тихий Дон, разогнали, натравили брата на брата, сына на отца, мужа на жену, развели до оскудения страну... заразили триппером, сифилисом, посеяли грязь, злобу, погнали сильных, с темпераментом людей в бандиты... и на этом дело кончилось. Эта огромная ошибка в замысле автора»¹. К этой оценке присоединяется и Фадеев: «Мое личное мнение, что там не показана победа сталинского дела»². Но, тем не менее, постановлением СНК СССР, от 15.03.1941. Шолохову, в числе первых шести деятелей культуры была присуждена Сталинская премия и именно, за «Тихий Дон», а не за первую часть «Поднятой целины» – эпопею коллективизации.

Эта оценка романа, как ни странно, совпадает с мнением пореволюционной эмиграции. Известная журналистка и общественный деятель Екатерина Дмитриевна Кускова осенью 1943 г. пишет М. А. Вегман – жене известного библиофила Н. Рубакина в Лозанну: «... «Тихий Дон» Вам послала. Задержка его вышла из-за С<ергея> Н<иколаевича>. Он этого знаменитого романа никогда не читал и хотел его прочесть... читал медленно и «со вкусом». Уверяет, что это роман – с точки зрения старой ленинской идеологии – контрреволюционный и очень интересный. Я даже нахожу, что его характеристики русской жизни и гражданской войны от восторгов перед русским народом очень и очень далеки. Скорее подчеркивается дикость, «брютальность»

---

¹ Большая цензура: писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956. М., 2005. С. 288.

² Там же. С. 287.

и весьма примитивный реализм...»¹. «С. Н.» – это С. Н. Прокопович, муж Кусковой, один из крупнейших русских экономистов, бывший социал-демократ, а затем Министр продовольствия Временного правительства. Лично зная (и не вынося!) Ленина (что было, впрочем, взаимным), но, поддерживая отношения с Горьким и Рубакиным, после смерти завещавшем свою уникальную библиотеку СССР, супруги неплохо разбирались в идеологии большевиков, выславших их за рубеж.

Если же говорить об отношении массового читателя, то интересным сравнительным материалом может послужить анализ писем читающей публики 30-х гг., опубликованных ИМЛИ, как приложение к книге члена-корреспондента РАН Н. В. Корниенко², которые сумели заметить и общую «белогвардейскую» направленность романа, и многие аномалии и нестыковки текста, сюжетных линий и исторических событий.

Впрочем, эпизоды Гражданской войны в «ТД» говорят сами за себя. Вот выборы Войскового Атамана в 1918 г.:

«– Как это нет подходящего человека? Что вы, господа? А генерал Краснов?

– Какой это Краснов?

– Как, то есть, какой? И не стыдно спрашивать, господа? Знаменитый генерал, командир Третьего конного корпуса, умница, георгиевский кавалер, талантливый полководец!

Восторженная, захлебывающаяся речь подъясаула взбелешила делегата, представителя одной из фронтовых частей:

– А я вам говорю фактично: знаем мы его таланты! Никудышный генерал! В германскую войну отличался неплохо. Так и захряс бы в бригадных, кабы не революция!

– Как же это вы, голубчик, говорите, не зная генерала Краснова? И потом, как вы вообще смеете отзываться подобным образом о всеми уважаемом генерале? Вы, по всей вероятности, забыли, что вы рядовой казак?

Подъясаул уничтожающе цедил ледяные слова, и казак растерялся, оробел, тушуясь, забормотал:

---

¹ Из воспоминаний и переписки Е. Д. Кусковой // Воронин О. Л. Силуэты Востока и Запада: очерки и документы. Иркутск, 2002. С. 170–171.

² «Река по имени «Факт» и «Тихий Дон»: контекст и комментарий шолоховского текста. М., 2009.

– Я, ваше благородие, говорю, как сам служил под ихним начальством... Он на астрицком фронте наш полк на колючие заграждения посадил! Потому и считаем мы его никудышным... А там кто его знает... Может, совсем навыворот...

– А за что ему Георгия дали? Дурак! – Пантелей Прокофьевич подавился сазаньей костью; откашлявшись, напал на фронтовика: – Понабрались дурацкого духу, всех поносите, все вам нехороши... Ишь какую моду взяли! Поменьше б гутарили – не было б такой заварухи. А то ума много нажили. Пустобрехи!

Черкасня, низовцы горой стояли за Краснова. Старикам был по душе генерал – георгиевский кавалер; многие служили с ним в японскую войну. Офицеров прельщало прошлое Краснова: гвардеец, светский, блестяще образованный генерал, бывший при дворе и в свите его императорского величества. Либеральную интеллигенцию удовлетворяло то обстоятельство, что Краснов не только генерал, человек строя и военной муштровки, но как-никак и писатель, чьи рассказы из быта офицерства с удовольствием читались в свое время в приложениях к «Ниве»; а раз писатель, – значит, все же культурный человек.

По общежитию за Краснова ярая шла агитация. Перед именем его блекли имена прочих генералов. Об Африкане Богаевском офицеры – приверженцы Краснова – шепотком передавали слухи, будто у Богаевского с Деникиным одна чашка ложка, и если выбрать Богаевского атаманом, то, как только похерят большевиков и вступят в Москву, – капут всем казачьим привилегиям и автономии.

Были противники и у Краснова. Один делегат-учитель без успеха пытался опорочить генеральское имя. Бродил учитель по комнатам делегатов, ядовито, по-комариному звенел в заволосатевшие уши казаков: – Краснов-то? И генерал паршивый, и писатель ни к черту! Шаркун придворный, подлиза! Человек, который хочет, так сказать, и национальный капитал приобрести, и демократическую невинность сохранить. Вот поглядите, продаст он Дон первому же покупателю, на обчин! Мелкий человек. Политик из него равен нулю. Агеева надо выбирать! Тот – совсем иное дело.

Но учитель успехом не пользовался. И когда 1 мая, на третий день открытия Круга, раздались голоса:

– Пригласить генерала Краснова!

– Милости...

– Покорнейше...

– Просим!

– Нашу гордость!

– Нехай придет, расскажет нам про жизнь! – Весь обширный зал заволновался. Офицеры басисто захлопали в ладоши, и, глядя на них, неумело, негромко стали постукивать и казаки. От черных, выдубленных работой рук их звук получался сухой, трескучий, можно сказать – даже неприятный, глубоко противоположный той мягкой музыке аплодисментов, которую производили холеные подушечки ладоней барышень и дам, офицеров и учащихся, заполнивших галерею и коридоры. А когда на сцену по-парадному молодецки вышагал высокий, стройный, не смотря на годы, красавец генерал, в мундире, с густым засевом крестов и медалей, с эполетами и прочими знаками генеральского отличия, – зал покрылся рябью хлопков, ревом. Хлопки выросли в овацию. Буря восторга гуляла по рядам делегатов. В этом генерале, с растроганным и взволнованным лицом, стоявшем в картинной позе, многие увидели тусклое отражение былой мощи империи.

Пантелей Прокофьевич прослезился и долго сморкался в красную, вынутую из фуражки утирку. «Вот это – генерал! Сразу видать, что человек! Как сам император, ажник подходимей на вид. Вроде аж шибается на покойного Александра!» – думал он, умиленно разглядывая стоявшего у рампы Краснова.

Круг – названный «Кругом спасения Дона» – заседал неспешно. По предложению председателя Круга, есаула Янова, было принято постановление о ношении погонов и всех знаков отличия, присвоенных военному званию.

Краснов выступил с блестящей, мастерски построенной речью. Он прочувствованно говорил о «России, поруганной большевиками», о ее «былой мощи», о судьбах Дона. Обрисовав настоящее положение, коротко коснулся немецкой оккупации и вызвал шумное одобрение, когда, кончая речь, с пафосом заговорил о самостоятельном существовании Донской области после поражения большевиков:

– Державный Войсковой круг будет править Донской областью! Казачество, освобожденное революцией, восстановит весь прекрасный старинный уклад казачьей жизни, и мы, как в старину наши предки, скажем полнозвучным, окрепшим голосом: «Здравствуй, белый царь, в кременной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону!»

3 мая на вечернем заседании ста семью голосами против тридцати и при десяти воздержавшихся войсковым атаманом был избран генерал-майор Краснов. Он не принял атаманского пернача из рук войкового есаула, поставив условия: утвердить основные законы, предложенные им Кругу, и снабдить его неограниченной полнотой атаманской власти.

– Страна наша накануне гибели! Лишь при условии полнейшего доверия к атаману я возьму пернач. События требуют работать с уверенностью и отрадным сознанием исполняемого долга, когда знаешь, что Круг – верховный выразитель воли Дона – тебе доверяет, когда, в противовес большевистской распущенности и анархии, будут установлены твердые правовые нормы.

Законы, предложенные Красновым, представляли собою наспех перелицованные, слегка реставрированные законы прежней империи. Как же Кругу было не принять их? Приняли с радостью. Всё, даже неудачно переделанный флаг, напоминало прежнее: синяя, красная и желтая продольные полосы (казаки, иногородние, калмыки), и лишь правительственный герб, в угоду казачьему духу, претерпел радикальное изменение: взамен хищного двуглавого орла, распростершего крылья и расправившего когти, изображен был нагой казак в папахе, при шапке, ружье и амуниции, сидящий верхом на винной бочке.

Один из подхалимистых простаков-делегатов задал подобострастный вопрос:

– Может, их превосходительство что-нибудь предложит изменить либо переделать в принятых за основу законах?

Краснов, милостиво улыбаясь, разрешил себе побаловаться шуткой. Он обещающе оглядел членов Круга и голосом человека, избалованного всеобщим вниманием, ответил:

– Могу. Статьи сорок восьмую, сорок девятую и пятидесятую – о флаге, гербе и гимне. Вы можете предложить мне любой флаг – кроме красного, любой герб – кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн – кроме «Интернационала».

Смеясь, Круг утвердил законы. И после долго из уст в уста переходила атаманская шутка.

5 мая Круг был распущен. Отзвучали последние речи. Командующий Южной группой, полковник Денисов, правая рука Краснова, сулил в самом скором времени вытравить большевистскую крамолу. Члены Круга разъезжались успокоенные, обрadowанные и удачным выбором атамана, и сводками с фронта.

Глубоко взволнованный, начиненный взрывчатой радостью, ехал из донской столицы Пантелей Прокофьевич. Он был неколебимо убежден, что пернач попал в надежные руки, что вскоре разобьют большевиков и сыны вернутся к хозяйству. Старик сидел у окна вагона, облокотившись на столик; в ушах еще полоскались прощальные звуки донского гимна, до самого дна сознания просачивались живительные слова, и казалось, что и в самом деле по-настоящему «всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон».

Вряд ли изображение белоказачьих делегатов и генералов могло понравиться рапшовской критике, хотя скептическое отношение к «казачьему сепаратизму», да и при поддержке германских отрядов явно преобладает в этом отрывке, но вот, деятели белого движения в романе изображены с большим сочувствием и выглядят (заметим, в соответствии с историческими реалиями) настоящими «государственниками»:

«15 мая атаман Всевеликого войска Донского Краснов, сопровождаемый председателем совета управляющих, управляющим отделом иностранных дел генерал-майором Африканом Богаевским, генерал-квартирмейстером Донской армии полковником Кисловым и кубанским атаманом Филимоновым, прибыл на пароходе в станицу Маньчскую. Хозяева земли донской и кубанской скачущие смотрели с палубы, как причаливает к пристани пароход, как суетятся матросы и, закипая, идет от сходней бурая волна. Потом сошли на берег, провожаемые сотнями глаз собравшейся у пристани толпы... Толпа шуршит говором. Генералы, встреченные местными властями, едут на плац.

В доме станичного атамана через час началось совещание представителей донского правительства и Добровольческой армии. От Добровольческой армии прибыли генералы Деникин и Алексеев в сопровождении начштаба армии генерала Романовского, полковников Ряснянского и Эвальда.

Встреча дышала холодком. Краснов держался с тяжелым достоинством. Алексеев, поздоровавшись с присутствующими, присел к столу; подперев сухими белыми ладонями обвислые щеки, безучастно закрыл глаза. Его укачала езда в автомобиле. Он как бы ссохся от старости и пережитых потрясений. Излучины сухого рта трагически опущены, голубые, иссеченные прожилками веки припухлы и тяжки. Множество мельчайших морщинок веером рассыпалось к вискам. Пальцы, плотно прижавшие дряблую кожу щек, концами зарывались в старчески

желтоватые, коротко остриженные волосы. Полковник Ряснянский бережно расстилал на столе похрустывающую карту, ему помогал Кислов. Романовский стоял около, придерживая ногтем мизинца угол карты. Богаевский прислонился к невысокому окну, с шемящей жалостью вглядываясь в бесконечно усталое лицо Алексеева. Оно белело, как гипсовая маска. «Как он постарел! Ужасно как постарел!» – мысленно шептал Богаевский, не спуская с Алексеева влажных миндалевидных глаз. Еще не успели присутствовавшие усесться за стол, как Деникин, обращаясь к Краснову, заговорил, взволнованно и резко:

– Прежде чем открыть совещание, я должен заявить вам: нас крайне удивляет то обстоятельство, что вы в диспозиции, отданной для овладения Батайском, указываете, что в правой колонне у вас действует немецкий батальон и батарея. Должен признаться, что факт подобного сотрудничества для меня более чем странен... Вы позволите узнать, чем руководствовались вы, входя в сношение с врагами родины – с бесчестными врагами! – и пользуясь их помощью? Вы, разумеется, осведомлены о том, что союзники готовы оказать нам поддержку?.. Добровольческая армия расценивает союз с немцами как измену делу восстановления России. Действия донского правительства находят такую же оценку и в широких союзнических кругах. Прошу вас объясниться.

Деникин, зло изогнув бровь, ждал ответа.

Только благодаря выдержке и присущей ему светскости Краснов хранил внешнее спокойствие; но негодование все же осиливало: под седеющими усами нервный тик подергивал и искажал рот. Очень спокойно и очень учтиво Краснов отвечал:

– Когда на карту ставится участь всего дела, не брезгают помощью и бывших врагов. И потом вообще правительство Дона, правительство пятимиллионного суверенного народа, никем не опекаемое, имеет право действовать самостоятельно, совершенно независимо от интересов казачества, кои призвано защищать.

При этих словах Алексеев открыл глаза и, видимо, с большим напряжением пытался слушать внимательно, Краснов глянул на Богаевского, нервически крутившего выхолонный в стрелку ус, и продолжал: – В ваших рассуждениях, ваше превосходительство, превалируют мотивы, так сказать, этического порядка. Вы сказали очень много ответственных слов о нашей якобы измене делу России, об измене союзникам... Но я полагаю, вам известен тот факт, что Добровольческая армия получила от нас снаряды, проданные нам немцами?..

– Прошу строго разграничивать явления глубоко различного порядка! Мне нет дела до того, каким путем вы получаете от немцев боеприпасы, но – пользоваться поддержкой их войск!.. – Деникин сердито вздернул плечами. Краснов, кончая речь, вскользь, осторожно, но решительно дал понять Деникину, что он не прежний бригадный генерал, каким тот видел его на австро-германском фронте.

Разрушив неловкое молчание, установившееся после речи Краснова, Деникин умно перевел разговор на вопросы слияния Донской и Добровольческой армий и установления единого командования. Но предшествовавшая этому стычка, по сути, послужила началом дальнейшего, непрестанно развивавшегося между ними обострения отношений, окончательно порванных к моменту ухода Краснова от власти.

Краснов от прямого ответа ускользнул, предложив взамен совместный поход на Царицын, для того чтобы, во-первых, овладеть крупнейшим стратегическим центром и, во-вторых, удержав его, соединиться с уральскими казаками.

Прозвучал короткий разговор:

– ...Вам не говорить о той колоссальной значимости, которую представляет для нас Царицын.

– Добровольческая армия может встретиться с немцами. На Царицын не пойду. Прежде всего, я должен освободить кубанцев.

– Да, но все же взятие Царицына – кардинальнейшая задача. Правительство Войска Донского поручило мне просить ваше превосходительство.

– Повторяю: бросить кубанцев я не могу.

– Только при условии наступления на Царицын можно говорить об установлении единого командования.

Алексеев неодобрительно пожевал губами.

– Немыслимо! Кубанцы не пойдут из пределов области, не окончательно очищенной от большевиков, а в Добровольческой армии две с половиной тысячи штыков, причем третья часть – вне строя: раненные и больные.

За скромным обедом вяло перебрасывались незначущими замечаниями – было ясно, что соглашение достигнуто не будет. Полковник Ряснянский рассказал о каком-то веселом полуканекдотическом подвиге одного из марковцев, и постепенно, под совместным действием обеда и веселого рассказа, напряженность рассеялась. Но когда после обеда, закуривая, разошлись

по горнице, Деникин, тронув плечо Романовского, указал острыми прищуренными глазами на Краснова, шепнул: – Наполеон областного масштаба... Неумный человек, знаете ли...

Улыбнувшись, Романовский быстро ответил:

– Княжить и владеть хочется... Бригадный генерал упивается монаршей властью. По-моему, он лишен чувства юмора...

Разъехались, преисполненные вражды и неприязни. С этого дня отношения между Добрармией и донским правительством резко ухудшаются, ухудшение достигает апогея, когда командованию Добрармии становится известным содержание письма Краснова, адресованного германскому императору Вильгельму».

Естественно, что эти эпизоды, во многом передававшие реальные события могли принадлежать и перу Ф. Крюкова, умершего от тифа в 1920 г. Но они могли быть почерпнуты и из деникинских «Очерков русской смуты» – может быть наиболее полным мемуарным источником о Гражданской войне на Юге России. Стереотипные утверждения о том, что в советском государстве Деникин не издавался вплоть до конца 1980-х гг., неверны. Так, например, фрагмент второго тома «Очерков русской смуты» на 25 страницах с названием «Большевицкий переворот» был издан в СССР в 1926 г. в серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». В 1927 г. различные фрагменты «Очерков» Деникина были изданы вместе с отрывками из мемуаров других участников гражданской войны. Государственным издательством также в 1928 г. был издан отдельной книгой фрагмент второго тома «Очерков» под названием «Поход и смерть генерала Корнилова» тиражом 5 тыс. экземпляров. Кроме того, советское издательство «Федерация» выпустило в 1928 г. книгу объёмом 313 страниц и тиражом 10 тыс. экземпляров под названием «Поход на Москву» с выборками из четвёртого и пятого томов «Очерков...» Мы пытались извлечь из Деникина, – говорилось в предисловии, – все наиболее любопытные страницы». Несомненно, что, сообразно с заданием книги, эти «любопытные страницы» были лишь подтасовкой фактов, с умышленно однобоким освещением событий. То же самое можно сказать и о воспоминаниях П. Н. Краснова. Его книга «На внутреннем фронте» была издана в СССР уже в 1925 г. (Ленинград, издательство «Прибой»). И даже рекомендовалась в качестве дополнительной литературы к использованию препода-

давателями техникумов, рабфаков и совпартшкол в курсе «История классово́й борьбь». Конечно в ней так же были сделаны соответствующие редакционные правки. Но, в это «наповское» время подобная литература еще не была спрятана в спецхраны, а вполне могла быть изучена и Автором «ТД», для этого не нужно было быть сотрудником ГПУ, как намекает израильский литературовед.

Еще одним историческим источником для романа, несомненно, стали воспоминания бывшего полковника-юриста И. М. Калинина, служившего в рядах белых на юге России и вернувшегося после недолгого пребывания в эмиграции на родину. Его мемуары также призваны были разоблачить идеологию и политику руководителей белого движения. И Калинин разоблачал, написав три книги¹. Именно последняя из книг особенно близка по материалу третьей и четвертой книгам «ТД». По мнению Калинина, обреченность «белого дела», проистекала из следующих факторов. Во-первых, это раскол в лагере белых на юге России. Во всех своих трех книгах автор много пишет о том, как в белых армиях казаки и добровольцы враждовали друг с другом, так и не найдя общего языка. В данном случае симпатии Калинина были явно на стороне казаков, в рядах которых он нес службу. «Казачество, — пишет он, — никогда не ладило с добровольческой армией. Казачьи государственные образования — Дон, Кубань, Терек — имели демократическое устройство и потому были сугубо противны руководителям политики главного командования — скрытым реакционерам. Ни для кого не составляло тайны, что за спиной «внепартийной» Добровольческой армии, во главе с Деникиным, стояла старая Россия, весь мир царской бюрократии, жаждущей своих прежних постов с десятитысячными окладами, и «первенствующее сословие», мечтавшее о возвращении в свои прадедовские усадьбы. Все они ненавидели казачьих политических деятелей, считая их неучами, деревенщиной, сепаратистами, полубольшевиками. Вторые, в свою очередь, не жалели крепких слов по адресу своих противников, которых в насмешку титуловали «единонеделимцами»².

---

¹ В стране братушек. М., 1923; Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л., 1925; Русская Вандея. М.; Л., 1926.

² Русская Вандея. С. 10.

А вот еще один отрывок из «Тихого Дона»: «Раненые добровольцы, отлеживавшиеся в Новочеркасске, посмеивались над стремлением Краснова к автономии и над слабостью его по части восстановления казачьей старинки, в кругу своих презрительно называли его «хузяином», а Всевеликое войско Донское переименовали во «всевеселое». В ответ на это донские самостоятели величали их «странствующими музыкантами», «правителями без территории». Кто-то из «великих» в Добровольческой армии едко сказал про донское правительство: «Проститутка, зарабатывающая на немецкой постели». На это последовал ответ генерала Денисова: «Если правительство Дона – проститутка, то Добровольческая армия – кот, живущий на средства этой проститутки».

Следующим фактором, подтачивающим боеспособность и сплоченность белой армии, по мнению Калинина, стало отсутствие талантливых военных вождей, возглавивших борьбу с большевиками. Некоторую симпатию мемуарист испытывает к генералу Л. Г. Корнилову, называя его «республиканцем». Но после его гибели при «монархисте» генерале М. В. Алексееве: «Добровольия стала явно окрашиваться в черный цвет»¹. Впоследствии «непредрешенец» А. И. Деникин оказался мягкотелым, а генерал П. Н. Врангель слыл «безмерным честолюбцем и интриганом». Не лучше оказались и военачальники рангом ниже: И. П. Романовский – «тупой, надменный и свыше меры честолюбивый», В. Л. Покровский – кровожаден, «опереточный генерал» А. Г. Шкуро страдает «грабительскими замашками», к нему «стекались все, кто не дорожил жизнью, но кому хотелось крови, вина и наживы», и т. д.² Многие страницы воспоминаний Калинина посвящены моральному разложению белых и различного рода преступлениям среди военных. Он определяет три «язвы Белого движения». Первая из них – уклонение от мобилизации гражданского населения и массовое дезертирство в белой армии³. Вторая «язва» – «безудержное пьянство». «Вся тыловая работа, – пишет Калинин, – совершалась в пьяном угаре. Чтобы раздобыть спирт, исключенный из свободного обращения (вино не в счет), пускались на все средства. Шли на унижения, на мошенничества, на что угодно. «Святое дыхание возрож-

---

¹ Русская Вандея. С. 61.

² Там же. С. 17, 18.

³ Там же. С. 172–177.

дающей России» было насквозь пропитано алкогольным перегаром¹. Третья «язва» – «очень легкое отношение к казенному добру» среди должностных лиц. О грабежах и насилиях в отношении гражданского населения со стороны казачества Калинин ничего не пишет. Но зато белых добровольцев именует «кондотьерами», представлявших собой «хап-граб-драп-армию», боевой лозунг которой «Война до победы, грабеж до конца!». Одновременно, говоря о нелегкой службе офицеров, их повседневном быте, автор свидетельствует как о фактах дезертирства и стремлении некоторых лиц избежать фронта, так и проговаривается о героических подвигах отдельных офицеров в борьбе с Красной армией. Так, Калинин пишет о «дебошире» молодом генерале А. Г. Рубашкине, захватившем вместе со своими бойцами красный бронепоезд «Лев Троцкий», или о генерале А. К. Гусельщикове, который был в боевой обстановке «как рыба в воде»². Явные симпатии у Калинина вызывает боевой казачий генерал К. К. Мамонтов, которого он называет «военным тружеником» и талантливым военачальником, сумевшим провести блистательный рейд своего конного корпуса по глубоким тылам красных. Этот рейд наглядно показал советским руководителям значительные преимущества больших конных формирований в гражданской войне. После чего они бросили в массы лозунг «Пролетарий – на коня!». Мемуарист свидетельствует, что значительную часть казаков после катастрофы эвакуации Новороссийска и оставления Крыма захватило возвращенческое движение. Мемуары И. М. Калинина представляют большой интерес для исследователей гражданской войны, хотя и содержат порой чрезмерную и необъективную критику Белого движения.

Однако вернемся к эпопее. В советском литературоведении авторская позиция преподносилась однобоко, в духе господствовавшей идеологии, хотя общеизвестно, что каждую очередную книгу «ГД» приходилось «проталкивать» в печать. Только уже в годы перестройки стали появляться исследовательские работы о сложности авторской позиции, о надклассовых критериях в оценке в романе людей и событий. Но главным предметом изображения всё же является казачество, роль которого в Гражданской войне автор выделяет для себя одной из основных проблем, обсуждая её на протяжении всего романа.

---

¹ Русская Вандея. С. 178–180.

² Там же. С. 109–110.

Белое движение в изображении Шолохова тесно связано с казачеством. Казаки играли в царской России роль защитников Отечества, так как в их обязанности входило поставлять «на круг» воинов из своей среды. За это ещё при самодержавии у них было особое положение, привилегии, гарантом которых являлся сам царь. «Коль, не дай бог, прогонят царя, то и до нас доберутся», – опасается один из героев. Тем самым казаки были просто обречены на контрреволюцию, ведь им было что терять. Первая реакция на февральские события. Листницкий, один из главных героев в романе, замечает, что после отречения царя от престола состояние армии заметно ухудшилось, она постепенно «гниёт»: «Солдаты буквально все «разложень». Всё чаще появляются двурушники, особенно среди офицерского состава. Листницкий, убеждённый монархист, обличает подданных царя, брошенного, преданного всеми своими соотечественниками. Через отношение Автора к Листницкому можно выявить критерии оценки людей, которые проходят через весь «ТД», главный из них – искренность убеждений, сосредоточенность не на себе, а на общих интересах. Листницкий – это искренний монархист, поэтому он вызывает симпатию Шолохова. Так называемый корниловский мятеж является следствием ослабления власти, представлявшего в глазах его участников главную опасность для России. Вскоре к Корнилову примыкает и Каледин, который рассуждает о ненадёжности казаков. И всё же сторонники Корнилова издают Декларацию двенадцати казачьих войск, которая стала основой для возникновения Донского правительства во главе с Калединым. Страницы, описывающие корниловское выступление – наиболее яркое и убедительное изображение, как исторических лиц, так и вымышленных героев эпопеи.

«6 августа начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Лукомский, через первого генерал-квартирмейстера Ставки генерала Романовского, получил распоряжение о сосредоточении в районе Невель – Н.-Сокольники – Великие Луки 3-го конного корпуса с Туземной дивизией.

– Почему в данном районе? Ведь части эти в резерве Румынского фронта? – спросил озадаченный Лукомский.

– Не знаю, Александр Сергеевич. Передаю вам точно приказание верховного.

Романовский, остановившись перед занявшей полстены в кабинете стратегической картой Средней Европы, сказал, с преувеличенным вниманием разглядывая карту:

– Вы объяснитесь... Он сейчас у себя.

Лукомский взял со стола бумаги, отодвинул кресло, пошел той подчеркнуто твердой походкой, какой ходят все полнеющие пожилые военные. В дверях, пропуская вперед себя Романовского, сказал, очевидно, следя за ходом собственных мыслей:

– Правильно. Да.

Корнилов, чуть наклонившись вперед, опираясь о стол косо поставленными ладонями, говорил стоявшему против него пожилому офицеру.

– ...надо было ожидать. Вы меня поняли? Прошу известить немедленно по прибытии в Псков. Можете идти.

Выждав, пока за офицером закрылась дверь, Корнилов молодым, упругим движением опустился в кресло; подвигая Лукомскому второе, спросил:

– Вы получили от Романовского мое распоряжение о переброске Третьего корпуса?

– Да. Я пришел поговорить по этому поводу. Почему вами избран указанный район сосредоточения для корпуса?

Лукомский внимательно смотрел на смуглое лицо Корнилова. Оно было непроницаемо, азиатски бесстрастно; по щекам, от носа к черствому рту, закрытому негустыми вислыми усами, привычно-знакомые кривые ниспадали морщины. Жесткое, строгое выражение лица нарушала лишь косичка волос, как-то по-ребячески спускавшаяся на лоб. Облокотившись, придерживая маленькой, сухой ладонью подбородок, Корнилов сощурил монгольские с ярким блеском глаза, ответил, касаясь рукой колена Лукомского:

– Я хочу сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда в случае надобности легко было бы ее перебросить на Северный или Западный фронты. По-моему, выбранный район наиболее удовлетворяет этому требованию. Вы мыслите иначе?

Лукомский неопределенно пожал плечами:

– Опасаться за Западный фронт нет никаких оснований. Лучше сосредоточить конницу в районе Пскова.

– Пскова? – переспросил Корнилов, всем корпусом наклоняясь вперед, и, поморщась, отрицательно качнул головой:

– Нет! Район Пскова неудобен.

Лукомский, осторожно выбирая слова, сказал:

– Лавр Георгиевич, я сейчас же отдам необходимые распоряжения, но у меня создалось впечатление, что вы чего-то не договариваете... Выбранный вами район для сосредоточения конницы очень хорош на случай, если б ее надо было бросить на Петроград или Москву... Если я не ошибаюсь и вы действительно чего-то не договариваете, то прошу – или отпустите меня на фронт, или полностью скажите мне ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника.

Корнилов, склонив голову, напряженно вслушивался и все же своим острым глазом успел заметить, как холодное с виду лицо Лукомского волнение испятнило еле видимым, скудным румянцем. Подумав несколько секунд, он ответил:

– Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с вами еще не говорил...Прошу отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира Третьего корпуса генерала Крымова, а мы с вами подробно переговорим после возвращения из Петрограда. От вас, Александр Сергеевич, поверьте, я ничего не хочу скрывать, – подчеркнул Корнилов последнюю фразу...

Вернувшись от Корнилова, Лукомский долго стоял у окна.

Через час штаб 3-го конного корпуса получил приказание изготовиться к перемещению. В этот же день шифрованной телеграммой командир корпуса, генерал Крымов срочно вызывался в Ставку.

9 августа Корнилов, под охраной эскадрона текинцев, специальным поездом выехал в Петроград.

На другой день в Ставке передавались слухи о смещении и даже аресте верховного, но 11-го утром Корнилов вернулся в Могилев.

Сейчас же по приезде он пригласил к себе Лукомского. Перечитав телеграммы и сводки, он заботливо поправил безукоризненно белый манжет, сочно оттенявший оливковую узкую кисть руки, коснулся воротника. В этих торопливо скользящих движениях сказывалось необычайное для него волнение.

– Сейчас мы можем докончить прерванный тогда разговор, – сказал он негромко. – Я хочу вернуться к тем соображениям, которые понудили меня передвигать Третий корпус к Петрограду и относительно которых я с вами еще не говорил. Вы знаете, что третьего августа, когда я был в Петрограде на засе-

дании правительства, Керенский и Савинков предупредили меня, чтобы я не касался особо важных вопросов обороны, так как, по их словам, среди министров есть люди ненадежные. Я, верховный главнокомандующий, отчитываясь перед правительством, не могу говорить об оперативных планах, ибо нет гарантий, что сказанное не будет через несколько дней известно германскому командованию! И это – правительство? Да разве я могу после этого верить, что оно спасет страну? – Корнилов быстрыми твердыми шагами дошел до двери, запер ее на ключ и, вернувшись, взволнованно, расхаживая перед столом, сказал: – Горько и обидно, что какие-то слизняки правят страной. Безволие, слабохарактерность, неумение, нерешительность, зачастую простая подлость – вот что руководит действиями этого, с позволения сказать, «правительства». При благосклонном участии таких господ, как Чернов и другие, большевики сметут Керенского... Вот, Александр Сергеевич, в каком положении находится Россия. Руководствуясь известными вам принципами, я хочу оградить родину от новых потрясений. Третий конный корпус я передвигаю, главным образом, для того, чтобы к концу августа стянуть его к Петрограду, и если большевики выступят, то расправиться с предателями родины как следует. Непосредственное руководство операцией передаю генералу Крымову. Я убежден, что в случае необходимости он не задумается перевешать весь Совет рабочих и солдатских депутатов... Я ничего не ищу. Спасти Россию... спасти во что бы то ни стало, любой ценой!..

Корнилов оборвал шаги; остановившись против Лукомского, резко спросил:

– Разделяете вы мое убеждение, что только подобным мероприятием можно обеспечить будущее страны и армии? Пойдете ли вы со мной до конца?

Крепко, растроганно пожимая сухую, горячую руку Корнилова, Лукомский привстал:

– Вполне разделяю ваш взгляд! Пойду до конца. Надо обдумать, взвесить – и ударить.

Эти дни Ставка жила лихорадочной жизнью. Ежедневно в губернаторский дом в Могилёве с предложением услуг являлись с фронтов из различных частей, в пропыленных защитных гимнастерках, загорелые и обветренные офицеры, приезжали щеголеватые представители Союза офицеров и Совета союза казачьих войск, шли гонцы с Дона от Каледина – наказного атамана Области войска Донского.

В широких кругах офицерства, кадетов и монархистов господствовало убеждение, что Корнилов – надежное знамя восстановления старой, упавшей в феврале, России. И под это знамя стекались отовсюду страстно желавшие реставрации.

13 августа Корнилов выехал в Москву на Государственное совещание.

Поезд мечет назад пространство... У открытого окна вагона маленький в защитном мундире с Георгиями генерал. Сузив косые углисто-черные глаза, он высовывает в окно голову, и парные капли дождя щедро мочат его покрытое давнишним загаром лицо и черные вислые усы; ветер шевелит, зачесывает назад по-ребячески спадающую на лоб прядку волос...».

Если и искать некие аналогии, то Корнилов и его сподвижники в этих фрагментах романа напоминают, пожалуй, римских патрициев из исторических хроник Саллюстия или Тита Ливия. Это сейчас такая аналогия кажется натянутой, но для образованных читателей середины 20-х гг., многие из которых оканчивали классические гимназии, эти образы и манера их описания были хорошо понятны. А эпизоды встречи Корнилова в Москве, явно повторяют кинохронику тех лет, Автор практически точно такую же картину показывает глазами Листницкого.

«...За день до приезда Корнилова в Москву есаул Листницкий прибыл туда с поручением особой важности от Совета союза казачьих войск. Передав в штаб находившегося в Москве казачье-го полка пакет, он узнал, что на завтра ожидается Корнилов.

В полдень Листницкий был на Александровском вокзале. В зале ожидания и буфетах первого и второго классов – крутое месиво встречающих; военные преобладают. На перроне строится почетный караул от Александровского военного училища, у виадука – московский женский батальон смерти. Около трех часов пополудни – поезд. Разом стих разговор. Зычный, взвихрившийся всплеск оркестра и шаркающий топот множества ног. Взбугтрившаяся толпа подхватила, понесла, кинула Листницкого на перрон. Выбравшись из свалки, он увидел: у вагона главнокомандующего строятся в две шеренги текинцы. Блещущая лаком стена вагона рябит, отражая их ярко-красные халаты. Корнилов, вышедший в сопровождении нескольких военных, начал обход почетного караула, депутатий от Союза георгиев-

ских кавалеров, Союза офицеров армии и флота, Совета союза казачьих войск.

Из числа лиц, представлявшихся верховному, Листницкий узнал донского атамана Каледина и генерала Зайончковского, остальных называли по именам окружавшие его офицеры:

- Кисляков – товарищ министра путей сообщения.
- Городской голова Руднев.
- Князь Трубецкой – начальник дипломатической канцелярии в Ставке.
- Член Государственного совета Мусин-Пушкин.
- Французский военный атташе полковник Кайо.
- Князь Голицын, – звучали подобострастно почтительные голоса.

Листницкий видел, как приближавшегося к нему Корнилова осыпали цветами изысканно одетые дамы, густо стоявшие вдоль платформы. Один розовый цветок повис, зацепившись венчиком за аксельбанты на мундире Корнилова. Корнилов стяхнул его чуть смущенным, нерешительным движением. Бородатый старик уралец, заикаясь, начал приветственное слово от имени двенадцати казачьих войск. Дослушать Листницкому не удалось – его оттеснили к стене, едва не порвали ремень пашки. После речи члена Государственной думы Родичева Корнилов вновь тронулся, густо облепленный толпой. Офицеры, взявшись за руки, образовали предохранительную цепь, но их разметали. К Корнилову тянулись десятки рук. Какая-то полная растрепанная дама семеня с боку от него, стараясь прижаться губами к рукаву светло-зеленого мундира. У выхода под оглушительный грохот приветственных криков Корнилова подняли на руки, понесли. Сильным движением плеча Листницкий оттер в сторону какого-то сановитого господина, успел схватиться за мелькнувший перед его глазами лакированный сапог Корнилова. Ловко перехватив ногу, он положил ее на плечо и, не чувствуя ее невесомой тяжести, задыхаясь от волнения, стараясь только сохранить равновесие и ритм шага, двинулся, медленно влекомый толпой, оглушенный ревом и проливной медью оркестра. По ступенькам – на площадь. Впереди толпа, зеленые шпалеры войск, казачья сотня в конном строю. Приложив ладонь к козырьку фуражки, моргая увлажненными глазами, он пытался, но не мог унять неудержную дрожь губ. Смутно помнил, как клацали фотографические аппараты, бесновалась толпа, шли церемониальным маршем юнкера и стоял,

пропуская их перед собой, стройный, подтянутый, маленький, с лицом монгола генерал.

Спустя день Листницкий выехал в Петроград. Устроившись на верхней полке, он расстелил шинель, курил, думая о Корнилове:

«С риском для жизни бежал из плена, словно знал, что будет так необходим родине. Какое лицо! Как высеченное из самородного камня – ничего лишнего, обыденного... Такой же и характер. Для него, наверное, все ясно, рассчитано. Наступит удобный момент – и поведет нас. Странно, я даже не знаю, кто он – монархист? Конституционная монархия... Вот если б каждый был так уверен в себе, как он».

Примерно в этот же час в Москве, в кулуарах Большого театра, во время перерыва в заседании членов Московского государственного совещания, два генерала – один щуплый, с лицом монгола, другой плотный, с крепким посадом квадратной стриженной ежиком головы, с залысинами на гладко причесанных чуть седеющих висках и плотно прижатыми хрящами ушей, – уединившись, расхаживали по короткому отрезку паркета, вполголоса разговаривали:

– Этот пункт декларации предусматривает упразднение комитетов в воинских частях?

– Да.

– Единый фронт, сплоченность, безусловно, необходимы. Без проведения в жизнь указанных мною мероприятий нет спасения. Армия органически не способна драться. Такая армия не только победы не даст, но и не сумеет выдержать сколь угодно значительного натиска. Части растлены большевистской пропагандой. А здесь, в тылу? Вы видите, как рабочие реагируют на всякую попытку найти меры к их обузданию? – забастовки и демонстрации. Члены совещания должны идти пешком... Позор! Милитаризация тыла, установление суровой карающей руки, беспощадное истребление всех большевиков, этих носителей маразма, – вот ближайшие наши задачи. Могу я заручиться и в дальнейшем вашей поддержкой, Алексей Максимович?

– Я безоговорочно с вами.

– Я был уверен в этом. Благодарю. Вы видите, когда нужно действовать решительно и твердо, правительство ограничивается полумерами и звонкими фразами – что-де “железом и кровью подавим попытки тех, кто, как в июльские дни, посягнет на народную власть”. Нет, мы привыкли сначала делать, а потом го-

ворить. Они поступают наоборот. Что же... будет время – пожнут плоды своей политики полумер. Но я не желаю участвовать в этой бесчестной игре! Я был и остаюсь сторонником открытого боя, блудословие не в моем характере.

Маленький генерал, остановившись против собеседника, покрутил металлическую пуговицу на его темно-защитном френче, сказал, слегка заикаясь от волнения:

– Сняли намордник, а теперь сами трусят своей революционной демократии, просят двинуть с фронта к столице надежные воинские части и в то же время, в угоду этой демократии, боятся предпринимать что-либо реальное. Шаг вперед, шаг назад... Только при полной консолидации наших сил, сильнейшим моральным прессом мы сможем выжать из правительства уступку, а нет – тогда посмотрим! Я не задумываюсь обнажить фронт – пусть их вразумляют немцы!

– Мы говорили с Дуговым. Казачество окажет вам, Лавр Георгиевич, всемерную поддержку. Нам остается согласовать вопрос о совместных действиях в дальнейшем.

– После заседания я жду вас и остальных у себя. Настроение на Дону у вас?

Плотный генерал, прижимая к груди четырехугольный выбритый до глянца подбородок, угрюмым, исподлобным взглядом глядел перед собой. Под его широкими усами дрогнули углы губ, когда он отвечал:

– Нет у меня прежней веры в казака... И сейчас вообще трудно судить о настроениях. Необходим компромисс: казачеству надо кое-чем поступиться для того, чтобы удержать за собой иногородних. Некоторые мероприятия в этом направлении мы предпринимаем, но за успех поручиться нельзя. Боюсь, что на стыке интересов казачества и иногородних и может произойти разрыв... Земля... вокруг этой оси вертятся сейчас мысли и тех и других.

– Вам надо иметь под рукой надежные казачьи части, чтобы обеспечить себя от всяких случайностей изнутри. По возвращении в Ставку я поговорю с Лукомским, и мы, наверное, изыщем возможность отправить с фронта на Дон несколько полков.

– Буду вам очень признателен.

– Итак, сегодня мы согласуем вопрос о наших совместных действиях в будущем. Я горячо верю в благополучное завершение задуманного, но счастье вероломно, генерал... Если оно, во-

преки всему, станет ко мне спиной, – могу я рассчитывать, что на Дону у вас я найду приют?

– Не только приют, но и защиту. Казаки ведь исстари славятся гостеприимством и хлебосольством. – В первый раз за все время разговора улыбнулся Каледин, смягчив хмурую усталость исподлобного взгляда.

Час спустя Каледин, донской атаман, выступал перед затихшей аудиторией с “Декларацией двенадцати казачьих войск”».

И чуждая этому тексту фраза, явно вставленная Шолоховым (именно им!) в окончание главы, как и искусственно вложенная в уста Корнилова пораженческая фраза (во всех дальнейших интерпретациях советской истории его обвиняли в сдаче Риги немцам – прим. авт.): «По Дону, по Кубани, по Тереку, по Уралу, по Усури, по казачьим землям от грани до грани, от станичного юрта до другого черной паутиной раскинулись с того дня нити большого заговора».

После Октября, чтобы стабилизировать ситуацию на Дону, правительство Войска Донского вступает в переговоры с казачьим Военно-революционным комитетом, но безрезультатно. В январе 1918 г. происходят роковые события. Донское правительство требует распустить ВРК, который не является выразителем настроений всего казачества, так как связан с Советом народных комиссаров и пользуется его финансовой поддержкой. Корнилов с формирующимися добровольческими частями вынужден отступить на Кубань, донское правительство во главе с Калединым теперь в Новочеркасске. Но Каледин понимает, что «от болтовни Россия погибла» и исправить что-либо уже нельзя, поэтому он слагает с себя полномочия, а потом кончает самоубийством. Изображение смерти Каледина выражает авторское отношение к герою. Каледин вызывает сочувствие автора, как человек, болеющий за судьбу России всей душой и гибнущий вместе с ней, когда её гибель для него становится очевидной. Как говорит один сослуживец Листницкого: «Россия всходит на Голгофу». Это очень символично, так как эти слова произносят безымянные офицеры из Добровольческой армии, «цвет России», болеющий за её судьбу. И всё это по вине казаков, так как время, когда они могли чем-то помочь, что-либо исправить, уже упущено. А казаки, уставшие воевать, просто «отсиделись» в своих хуторах, вовремя не поддержали Добровольческую ар-

мию, с этого и начался крах белого движения. А отстоять свою независимость от образовавшейся Советской России казакам своими силами тоже не удастся.

Пётр Николаевич Краснов – новый атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией – хотел править областью, где бы казачество, «освобождённое революцией», восстановило «весь прекрасный старинный уклад казачьей жизни», царь был бы у себя, «в кременной Москве, а казаки бы на тихом Дону». Из этих лозунгов видна противоречивость позиции Краснова: он не понимает, что Октябрьская революция была следствием и развитием Февральской (освободительной, по его мнению). А шутовской герб в изображении Автора «ГД» подчёркивает легковесность, зыбкость планов генерала Краснова, да и легкомыслие мечтающих об автономии казаков, их недалёковидность. Важно отношение к Краснову Деникина: на чрезмерное стремление к самостоятельности, к самоутверждению в ущерб делу: «княжить и владеть хочется», «упивается монаршей властью». Что же касается самой Добровольческой армии, «все наиболее мужественные гибли в боях, от тифа, от ран, а остальные, растерявшие и честь и совесть, по-шакальи прятались в тылах...» Опять, как видим, Автор обличает обывателей, но теперь уже от интеллигенции, равнодушных ко всему, кроме собственных сиюминутных интересов, и сочувствует тем немногим, кому сейчас дорога судьба России. Вот почему Листницкий объясняет свое устранение из армии не потерей руки, а разочарованием в соратниках, своими взаимными интригами подрывавших общее, казалось бы, дело спасения России.

Роман жестко ведет к пониманию того, что в революции наступил именно тот период, когда казакам нужно сделать выбор в борьбе за власть. Существовало только три альтернативных пути: борьба за восстановление монархии, идеи автономии Дона, большевистские идеи. Например, Бунчук агитировал за большевиков, Автор не случайно употребляет в отношении него эпитет «ящеричная пронырливость», явно относящийся ко всем большевикам, но казаки опасались большевистского «ярма», считая, что их Казачий Круг – это и есть власть народа. Корниловец Калмыков – другой агитатор, разоблачавший предательство большевиков и связь Ленина с немцами, был убит на месте Бунчуком со словами: «Кто кого... Война на истребление», – которые можно воспринимать как предвестие будущих ужасов Гражданской войны. На Дону давно были сторонники идеи су-

веренитета, а первым в романе выразителем автономистских идей стал казак Изварин: «Земля эта – наша, кровью наших предков полита, костями их удобрена, а мы, покорённые Россией, защищали четыреста лет её интересы и не думали о себе». На страницах романа появляется ещё один автономист – казак Подтёлков (впоследствии сделанный «красным героем-мучеником»). Он выступает за народную выборную власть, но против того, чтобы делиться землёй с российскими крестьянами. Его рассуждения тоже наивны, так как большевики всё собираются «поделить». Большинство казаков, покинув армию ещё до Октябрьской революции, с удовольствием восприняв выход России из войны, отправляются по домам и надеются, что борьба белых и красных их не коснётся. И только после краха идеи Донской республики, после развала фронта и бунта казаков против офицеров, против сотрудничества с немцами, которые не могли быть бескорыстны, фронт открыт для большевиков; и в ответ на их расправы и бесчинства – новый «сполох» – восстание «всех хуторов Обдонья». У Григория Мелехова, главного героя романа, человека из «казацкой массы», каких большинство, установилась некая логика: «За кусок хлеба, за делянку земли, за право на жизнь всегда боролись люди и будут бороться, пока светит им солнце». Но, борьба начала приносить разочарование, пресыщение Григорию. У него появилось ощущение греха, сердце «сосёт и кровоточит всё время». После разгрома белых, послужив у Буденного, Григорий уходит в банду Фомина только потому, что больше ему некуда идти, и это удел многих. А конец романа означает неопределённость будущего Григория и ему подобных. Анализ текста романа «Тихий Дон» приводит нас к следующим выводам. Исход борьбы за власть после падения самодержавия во многом зависел от позиции донского казачества, поэтому и красные, и белые ведут агитацию и пропаганду в казачьей среде в поисках союзников. Среди казачества особенно популярными становятся идеи автономии, достигающие апогея в попытке установления Донской Республики во главе с генералом Красновым. Автор показывает политическую близорукость, недалёковидность казачьей массы, желающей остаться в стороне от борьбы за власть в России. А размежевание казаков с белыми, их, в конечном итоге, поражение в Гражданской войне, безусловно, означало потерю всякой самостоятельности и привилегий. Авторские симпатии, без излишнего умиления и без иллюзий, во многих случаях оказываются именно на стороне

противников советской власти. В советской же историографии казачество преподносилось как союзник большевиков, хотя все же признавалась ошибочность политики, в результате которой значительная часть казачества оказалась в белогвардейском стане. В исследованиях же современных историографов показан первоначальный нейтралитет казачества, который послужил причиной поражения белого дела. Таким образом, позиция автора «Тихого Дона» опередила объективную оценку историков на 50 лет. Но нужно отметить, что в двух последних книгах «Тихого Дона» (1937–1938 и 1939–1940) появилось множество публицистических, нередко дидактических, однозначно пробольшевистских деклараций, сплошь и рядом противоречащих сюжету и образному строю романа-эпопеи. Но все таки автор нашел в себе мужество закончить «Тихий Дон» полным жизненным крахом своего любимого героя Григория Мелехова, раздавленного колесом жестокой истории. После «ТД» Шолохов уже никогда не смог подняться на такую художественную и историческую высоту. В романе «Поднятая целина» (кн. 1–2, 1932–1960; Ленинская премия, 1960) объявленном совершенным образцом литературы социалистического реализма и вошедшим во все школьные программы, изображение коллективизации отмечено заданностью идеологических установок и явной художественной слабостью второй части. Неоконченный роман, посвященный Великой Отечественной войне – «Они сражались за Родину» остался лишь совокупностью фрагментарных зарисовок и диалогов. Наиболее сильный рассказ «Судьба человека» (1956–1957) все-таки не достигает трагизма и человечности «ТД». Публицистика Шолохова, где он отдает щедрую дань официальной государственной идеологии, откровенно слаба. Свою верность коммунистической идее Михаил Шолохов неукосно подтверждает рядом публичных речей, вызывавших иногда резко отрицательную реакцию интеллигенции. Писательница Л. К. Чуковская в своем письме к Шолохову предсказала творческое бесплодие после его выступления на XXIII съезде КПСС (1966) с шельмованием осужденных за публикацию произведений за рубежом (первый процесс брежневского времени против литераторов) А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля. Предсказание полностью сбылось.

Глава 3

Память Гражданской войны в Сибири

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный Северовосток
Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов
Красных туч и пламенных годин.
Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль – на Северовосток...
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России –
Страшная безумная судьба...
Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток
И не замкнут список палачей,
Бред Разведок, ужас Чрезвычайек –
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей!

М. Волошин. Северовосток

Среди политических и военных деятелей начала XX в. и особенно периода Гражданской войны адмирал Александр Васильевич Колчак (1874–1920) несомненно, занимает одно из самых заметных мест. И поэтому до сих пор его имя, его деятельность и вызывает самые ожесточённые споры. Изучению, осмыслению и правдивой оценке его личности крайне препятствовало резко негативное отношение к ней Советской власти и ортодоксальной коммунистической идеологии. Между тем в

этой незаурядной личности сочетались талант и значимость военного деятеля (всё-таки, скорее, в области военно-морской) с выдающейся практической деятельностью ученого-исследователя. О деятельности Колчака, как русского офицера-патриота, проявившего мужество и стойкость в ратных делах в русско-японскую и в Первую мировую войну вовсе не упоминалось в советской печати и только в начале нынешнего века стали выявляться его выдающиеся научные заслуги, как ученого-океанолога, видного исследователя Арктики, стали известны его научные труды, нашедшие признание мировой общественности. Чтобы не возвращаться к чисто научным вопросам, отметим, что его имя носил с 1903 до 1920 г. один из арктических островов (в 2005 г. это имя возвращено), что за исследования в Арктике он был награжден Орденом Св. Владимира, а Русское географическое общество удостоило его Большой Золотой Константиновской медали. Его научные труды (25 статей и картолий), а особенно фундаментальная монография «Лед Карского и Сибирского морей», были переведены на ряд иностранных языков, именно в ней были выдвинуты важнейшие для арктической гидрографии гипотезы о двойном движении арктических льдов не только с запада на восток, но и об их круговороте вокруг так называемого полюса относительной недоступности. Эти предположения блестяще подтвердились исследованиями советских дрейфующих полярных станций. Но поскольку работы адмирала находились под полным запретом, то ни один советский исследователь не решался даже давать ссылки на его труды в своих публикациях.

То же самое можно сказать и об организационной деятельности Колчака по восстановлению российских военно-морских сил, а ведь именно его статья в «Морском сборнике» (1908) и доклады в различных военных аудиториях «Какой нужен России флот?» начали оживлённую дискуссию, приведшую Александра Васильевича к работе в Морском генеральном штабе в 1911–1912 гг., начавшей реформы и восстановление морской мощи России, значительно поколебленной событиями русско-японской войны и волнениями 1905–1907 гг.

Более того, мало известны выдающиеся человеческие качества Александра Васильевича: его отказ от премии за отличное окончание Морского корпуса в пользу другого более нуждающегося выпускника, его добровольное участие в обороне Порт-Артура, его мужественное поведение в японском плену, после

войны награждение двумя боевыми орденами и золотой саблей «За храбрость», его абсолютное личное бескорыстие (уже на допросе в Иркутске он скажет: «С 1914 г. я жил только тем, что у меня было в чемоданах и в каюте. Моя семья была в таком же положении»). Его уважали даже мятежные революционные матросы. Об участии Колчака в полярных экспедициях и поисках своего командира и друга барона Толля, сейчас все же более известно¹.

Какой же след оставила личность адмирала в российской культуре и исторической памяти? Именно полного адмирала (некоторые, особенно усердные советские идеологи утверждали, что адмиральский чин он сам себе присвоил. – *Прим. авт.*). В 1916 г. при назначении командующим Черноморским флотом получил чин вице-адмирала (самого молодого в России), а 18 ноября 1918 г. после назначения Верховным главнокомандующим получил от Совета министров чин «адмирала флота». Кстати, непосредственно во время переворота Колчак был на фронте, как военный министр Директории, а казачьи офицеры, организовавшие переворот, были отданы под суд, который их оправдал. По предположению украинского историка: «возможно именно Борис Савинков, в то время член Совета «Союза казачьих войск», и был режиссером переворота». Именно он и отправляется во Францию представителем Верховного правителя². Рассмотрим в следующих главах аргументы «за» (“pro”) и «против» (“contra”) Колчака,

CONTRA

После поражения его армий на Восточном фронте, плена и казни (без суда) в Иркутске личность адмирала в советской и даже в эмигрантской литературе рисовалась только черными и кровавыми красками. Известно советское классическое определение:

---

¹ Если кто-то решит более подробно ознакомиться с Колчаком учёным-исследователем, рекомендуем: Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак – учёный и патриот : в 2 ч. М. : Наука, 2009. О деятельности Колчака до 1917-го и в первые месяцы революции в Санкт-Петербургском университете опубликовано исследование историка: Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012.

² Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. М., 2000. С. 260.

О вашем Колчаке Урал спросите,
Зверством аж горы вгоняли в дрожь...

В. Маяковский

Монархист барон Будберг вначале уверенный, что: «...Каков бы ни был Колчак, но... обстановка выдвинула его к власти ведущей смертный бой с большевизмом, и сто раз проклят тот, кто восстает на него и этим помогает большевикам, — затем раздражённый тем, что не слушают его советов добавил чёрной краски в своём дневнике: «Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается уговорам...»¹.

А. Толстой в «Хмуром утре» опустил до прямой лжи, правда хитрый писатель приписал эту характеристику генералу Деникину: «У него затаилась еще одна обида: на решение Совета десяти в Париже о назначении адмирала Колчака верховным правителем всея России. Дался им Колчак. В семнадцатом году он сорвал с себя золотую саблю и швырнул ее с адмиральского мостика в Черное море. Об этом сообщили газеты чуть не во всем мире. В восемнадцатом Колчак бежит(?!) в Северную Америку и у них, в военном флоте, инструктирует минное дело, — в газетах печатают его портреты рядом с кинозвездами... И правителем России назначается мировой рекламист, истерик с манией величия и пристрастием к кокаину — Колчак!»². Здесь специально перепутаны даты, Колчак уехал в США по распоряжению Керенского 27 июля 1917-го(!), пробыл там чуть больше двух месяцев и вернулся в Россию (через Японию) уже в ноябре 1918-го.

Революционный журналист и политработник Владимир Зазубрин дал один из первых портретов «Колчака – Верховного правителя России» в романе «Два мира» (1921), считающимся первым большим произведением советской литературы о Гражданской войне. Книга Зазубрина была издана в Иркутске к четвертой годовщине Октябрьской революции в походной военной типографии Политуправлением 5-й Армии. Ленин, ознакомившись через Луначарского с романом «Два мира», отозвался о нём, по словам А. М.Горького, следующим образом: «Очень

---

¹ См.: Будберг А. Дневник, 18–19-й годы. М., 1990. С. 239–241.

² Толстой А. Хмурое утро. М., 1967. С. 84.

страшная, жуткая книга, конечно, не роман, но хорошая, нужная книга»¹.

«Напрасно мы стали бы здесь искать сюжетные линии и их развитие, художественную разработку тех или иных характеров. Книга Зазубрина скорее своеобразная хроника, где развитие действия соотнесено с развитием больших исторических событий в их календарной последовательности. Логика развития характеров, сюжета у него подчинена другой логике – железной и неумолимой логике классовой борьбы в ее наивысшем выражении. Его роман состоит из множества интенсивно нагнетаемых и, как правило, страшных кровавых сцен, внешне как будто мало связанных друг с другом; иногда их без ущерба для развития сюжета можно даже поменять местами. Но эти разрозненные сцены и эпизоды сцементированы единым идейным замыслом, общей направленностью книги». Несмотря на фрагментарность письма, «плакатность» образов, особенно красных партизан, рецензент далее указывал, что, «несмотря на отдельные недостатки Зазубрину удалось нарисовать «широкую, в общем(!) правдивую, порой захватывающую картину из великой борьбы двух миров в Сибири, создать живые памятники этой борьбе»².

Зато именно в аудитории политработников сразу отметили книгу, как «живую панораму классовой смертельной схватки», первую попытку «использования агитационной мощи художественной литературы». Б. Лавренев вспоминал: «Помню, как в Политуправлении Туркфронта в 1921 г. был до дыр зачитан всеми работниками первый (кстати, незаслуженно забытый) советский роман В. Зазубрина «Два мира»³. Печатный орган Политуправления Красной Армии посвятил «роману о борьбе с колчаковщиной» восторженную статью, назвав книгу «яркой картиной колчаковского режима и борьбы с ним партизан»⁴.

То есть книжка «Два мира» рассматривалась не как художественное достижение, а как сильное агитационное произведение. Рецензенты, вслед за Горьким и Луначарским, отмечали у автора «незаурядный талант художника». Интересна реакция еще одной аудитории – подборка высказываний о романе «Два мира» крестьян одной из сибирских коммун, сделанная сель-

---

¹ Горький А. М. Предисловие к книге Владимира Зазубрина «Два мира». М., 1935. С. 3.

² Правдунин В. Два мира // Сиб. огни. 1922. № 1. С. 166–168.

³ На новой ступени // Лит. газ. 1957. № 123.

⁴ Политработник. 1922. № 4

ским учителем Адрианом Топоровым и опубликованная в первом номере журнала «Сибирские огни» за 1928 г. А. Топоров (кстати, из семьи его ученика С. Титова вышел Космонавт-2 – Герман Титов. – *Прим. авт.*) читал его коммунарам вечерами глубокой осенью 1927 года (с 22 ноября по 5 декабря). Судя по многочисленным высказываниям слушателей, роман этот произвел на них колоссальное, потрясающее впечатление».

«Коммунары после длительной и бурной дискуссии пришли к единодушному выводу о том, что «Два мира» – «широчайшая и жуткая художественная история колчаковщины в Сибири. Это лучшая из всех известных нам книг, изображающих белый террор в нашем крае в 1918–1919 гг. и всенародный мятеж против Колчака»¹.

В том же году и сам автор «Двух миров», говоря о себе в третьем лице, живо воспроизвел ту атмосферу, в которой создавался первый советский роман. «Конечно, в гражданскую войну и в годы военного коммунизма, – рассказывает он, – некогда было писать. Но в 1920 г., очнувшись после трех недель тифозного бреда, мой товарищ в тифозном же бараке взялся за перо. В 1921 г. он издал свой первый роман. Гонораров тогда еще не было. Тем не менее ему выдали в качестве премии пять миллионов рублей! Мой товарищ не был особенно расчетливым человеком, он не положил денег в сберкассу или на свой текущий счет, а истратил их сразу же все на дрова, купил три воза настоящих березовых дров. Помню, мы с ним жарко натопили комнату, и он немедленно же сел за новый роман»².

Конечно, книга целиком советская, но автор, в портрете Верховного правителя не унизился до лжи:

«Красные вагоны, обклеенные снежной бумагой, молчали. Ветер, присвистывая, белой метлой скреб полотно дороги, заметал, путал блестящие нитки рельсов. Черный паровоз нахватал полные глаза легкой, холодной пыли. Отфыркивался. Железная рука семафора загораживала путь. Красный, с закопченной головой, курил из огромной трубки, пуская клубы дыма, зяб в двух верстах от станции.

<Чехи>. Скорее. Домой. Бежали на Восток, путались в стальной паутине дороги, вязли в снегу. Нет времени отойти спокойно. Красные молнии мечутся по бокам. И впереди. Да,

---

¹ Сиб. огни. 1928. № 1. С. 86.

² Там же. С. 92.

они уже далеко впереди. Может быть, придется пойти на приглашение. Поклониться есть чем. Бросить красным подачку. Его, самого главного. Он со своим поездом задыхается тут же. Вот хорошо. Его. Надо иметь в виду... Его надо придерживать на всякий случай. И пускать вперед и не пускать.

Он волновался. Весь эшелон его нервничал. Вызывали чехов для объяснений. Они были любезны, но отвечали уклончиво.

В столовой салон-вагона он говорил с майором Вейроста.

– Майор, я прошу вас не задерживать мой поезд. Говорят, что красные близко. Дамы нервничают. Надеюсь, не задержите.

Чех предупредительно улыбался, кивал головой.

– Конечно, я сделаю все, что в моей власти.

Колчак сердился, но был бессилён.

– Но, майор, это не ответ. Я прошу вас сказать мне определенно, когда будет отправлен наш поезд?

Дамы готовы были расплакаться. Они сидели за столом. Тут же. Майор Вейроста повертывал холёное лицо к нему, к присутствующим. Немного странно, что ему не верили. Разве чешский офицер будет лгать.

– Не беспокойтесь, ваш поезд будет отправлен при первой возможности.

У Колчака бритое лицо, распаханное летами, седеющая голова. Сухие, крепкие пальцы комкали салфетку. Взгляд тяжело упал на жирную белую щеку майора.

– А, наконец, я не понимаю вас. Тогда говорите прямо, что надежды на наше немедленное отправление нет. Так?

Вейроста верен себе. Точно исполняет предписание своего начальства.

– Мы сделаем все возможное.

Больше терпеть невозможно. Чех просто издевается.

Диктатор горд. Едва кивнул майору. Обед оставил. Вышел. Заперся в своем купе. Тяжелые плюшевые диваны мешали. Душно. Неужели конец? Власть, конечно, ушла из рук. Но жизнь? И она разве? Адмирал видел смерть не раз. Та была бледная, белая. Встречал ее спокойно. Не тронула. Теперь другая. Красная. Страшна. Как раньше не замечал, что она неизбежна. Ее не прогонишь. С кем? Кто поможет? Порядка не было. Людей нет и не было. Никто не слушался. Всякий свое. О России не думали. О себе. Только. Ну кто, кто они? На пружинах мягко. Глаза надо закрыть. Вот, можно вспомнить...

Атаман Анненков не хотел даже дать сведений, сколько у него штыков. Грубый. Не вы мне дали их, не вам и считать. Партизанщина. И сейчас тоже. Чехи о себе. Железнодорожники требуют взятку. Давал много. Обещают. Потом обманывают. Не отправляют. Эшелон стоит. Никто не слушается... Рядом кто стоял? Иван Михайлович <Анненков>. Мальчик с виду, в душе черный. Сил много. Но авантюрист... Пепеляев, Виктор Николаевич. Также еще у кадетов в чека. Недалек, ограничен, хотя и прямолинейен... Вологодский, старая шляпа... Старынкевич, хитрый иуда. Продал свою партию с Областной Думой и Уфимское совещание. За власть отдаст все. И себя. Россию, безусловно... Георгий Гинс... Кто его знает, не то целует он, не то яду сыплет тебе в стакан... Тельберг... Проньра... Людей нет. Зачем было ввязываться в это дело? Хорошо, один откажется, другой откажется. Кому-нибудь надо же Россию спасать. Наконец, это нечестно. Ну, вот и пошел. Ввязался.

За окном плясала метель. Мерзлыми космами жестких волос шлепала по стеклу. Смеркалось. Ехидная рожа Гайды. Нет покоя.

– Да, ваше высокопревосходительство, уметь управлять кораблем – это еще не значит уметь управлять всей Россией.

И вот хватило наглости у человека. Прямо в глаза так и вылепил. Хотя немного он прав. Сделать многого не сумели. Взять, например, Осведверх. Агитация. Кому она на руку только? Да. Лучше, безусловно, не думать об этом. На этот случай хорош профессор Болдырев. О философии хорошо толкует. Одному страшно. Бархатные мягкие диваны делят. Как могильные плиты. Воздуха совсем нет. И теснота ужасная.

Пришел профессор. Зажгли огонь. Метель все равно паялила в окно свою белую рожу и косматую гриву. Ну ее. Профессор вздумал тоже говорить об этом. Какой несносный. Не просили же его об этом. Остановить нелегко. Говорит.

– Положение нашей армии таково, что не только на победу – надежды нет на простую остановку фронта. Мы в полосе заговоров и восстаний. Но эсеры не выступают, потому что они одни бессильны. Опасны они тем, что могут войти в соглашение с чехами, которым анархия мешает эвакуироваться. Эсеры и меньшевики не страшны, только их участие в оппозиции плюс для красных и минус для правительства. Кадеты бессильны. Промышленники и биржевики откололись и раскололись. Одних отталкивает непримиримость по отношению к <атаману> Семёнову, других – политика по отношению к японо-русским делам.

А кольцо восстаний все суживается. Города и земства открыто говорят о борьбе. Настроение военных паническое. Настроение обывателя равнодушно-озлобленное.

Довольно об этом. Есть мысли, которые живут вне времени и пространства. Чистые мысли. Жить надо ими. Этого касаться не надо.

По бокам дороги, вдоль всей линии, ползли обозы. Больные, здоровые, раненые, живые и мертвые. Вшивые, голодные.

Сам вышел проститься. Он был очень вежлив. Адмиральские погоны совсем еще новенькие. Орлы на них черные. И куртка черная. По-английски любил он говорить. Знал хорошо.

– Покойной ночи.

Очень мило. Обязательно чего-нибудь добавит. Какое-нибудь пожелание.

– Бог поможет – все будет хорошо.

Говорил так. Думал иначе. О чехах, о чехах. Ненавидел их он.

– Чехи на фронт не пойдут, хоть плати им платиной вместо золота, потому что они, во-первых, сволочь и трусы, во-вторых, достаточно награбили и дорожат своей шкурой, торопятся домой. Голове тяжело. Уснуть, пожалуй. Думать не стоит.

– Покойной ночи.

Шторы в окнах плотно закрыты. Полусвет. Тепло. Уютно. Чисто. Почему-то только вот обитые бархатом диваны давят, как могильные плиты. Ничего подобного в действительности нет, конечно. Это только так кажется. А кровь в окнах? Об этом не надо говорить. Не надо замечать.

Может быть, там, за линией, в стороне, на морозе, никого и нет. Никто, может быть, и не замерз, не умер. Ах, зачем об этом думать. Бог даст, все устроится. Мы отступаем. Мы слабее красных. Не в силе он, а в правде. Да, мы правы. Да. Опять об этом же. Как бы избавиться, не думать.

А красные уже далеко забежали вперед. Диктатору доложили, что в Иркутске почти Совдеп. Узнали об этом днем. Он бросил беседу с Болдыревым. О философии. Вышел в салон. Приложил руку к козырьку.

– Господа офицеры, благодарю вас за службу. Вы свободны. Кто хочет, может идти к новому правительству, кто хочет, пусть остается и разделит со мной мою участь.

Смерти он никогда не боялся. Теперь привык и к красной. Был очень спокоен и тверд.

Железная дорога не артерия. Она вена. Артерии сбоку, в стороне. В вене черная, отработанная, почти гнилая кровь. В артериях чистая, свежая, горячая, красная. Била потоками, кипела.

Так было»¹.

Несколько слов об авторе этого произведения Заzubрин (Зубцов) (1895–1938) – журналист, прозаик, киносценарист, Владимир Яковлевич Зубцов родился в Пензе в семье железнодорожного служащего, учился в реальном училище. Затем, по заданию Сызранского комитета РСДРП(б) устраивается на работу в «охранку», за что городской комитет, заподозренный в провокации, был распущен. В 1916 г. им был послан «как-то даже рассказ в одну из «Правд», но его не пропустила цензура»². Затем попадает, по мобилизации в Юнкерское училище, эвакуированное в Иркутск. Став командиром взвода из пермских рабочих в июне 1919 г. Зубцов, переходит на сторону красных. Здесь вместе с партизанами он участвует в занятии Канска, вступает в 1921 г. в Коммунистическую партию. Как вспоминал впоследствии сам писатель, трудиться над книгой «Два мира» приходилось в редкие минуты отдыха, урывая время от изнурительной журналистской работы – Заzubрин тогда редактировал ежедневную красноармейскую газету «Красный стрелок».

С 1923 г. Заzubрин – секретарь журнала «Сибирские огни», в 1926–1928 гг. – его главный редактор и руководитель Союза сибирских писателей. «Рапповские» ортодоксы типа Родова и местные пролеткультовцы резко критиковали журнал. В июне 1928 г. бюро Сибкрайкома (секретарь С. И. Сырцов) приняло резолюцию о «серьезных идеологических ошибках журнала (№ 1 и 2 за 1928 г.)». Критике подверглись и статьи Заzubрина³.

Известный сибирский советский литературовед В. Трушкин, только после посмертной реабилитации писателя туманно упоминает: «В конце 1928 г. он вынужден был покинуть Новосибирск и перебраться в Москву. В Новосибирске вокруг писателя была создана «настоященцами» болезненная и нездоровая обстановка, его стали травить, исключили из Союза Сибирских

---

¹ Заzubрин В. Два мира. Красноярск, 1957. С. 218.

² Трушкин В. Предисловие к роману В. Заzubрина «Два мира». Красноярск, 1957. С. 11.

³ Резолюция бюро крайкома ВКП(б) о журнале «Сибирские огни» // Сиб. огни, 1928. № 4. С. 225.

писателей, в организацию которого он вложил столько труда и энергии»¹.

В 1928 г. Зазубрин был отстранен от руководства журналом и Союзом сибирских писателей. Это произошло не только из-за его участия в троцкистской «Платформе-83», но и из-за резкого обострения отношений с руководством Западно-Сибирского обкома ВКП(б) и лично с его первым секретарём С. И. Сырцовым, в те годы, делавшим стремительную карьеру. Ранее Новосибирск покинули его друзья Лидия Сейфулина и ее муж, критик и редактор Валериан Правдухин.

Новый журнал «Настоящее» начал «борьбу не только с Зазубриным и Правдухиным, но и с «буржуазным индивидуализмом» Маяковским и «мещанским зарубежным писателем» М. Горьким. Молодые и амбициозные карьеристы: А. Курс, А. Панкрушин, И. Нусинов, В. Каврайский, создавая журнал и одноимённую творческую группу, по примеру литераторов группы ЛЕФ рассчитывали дать жизнь новому направлению в литературе.

«Настоящее» (журнал издавался в Новосибирске в 1928–1930 гг.) (и Зазубрин, и Правдухин объявили о выходе из редакции после первого номера) на общем литературном фоне представлял собой весьма оригинальное советское издание авангардистского типа с заметным «левацким» уклоном. В выпущенной ими декларации организаторы объявляли, что «Настоящее» ставит своей целью неустанную борьбу против «литературы прошлого» – лживой нэповской и буржуазной «литературы вымысла» – за «литературу настоящего», которая является «литературой факта», единственно правильной и отвечающей советской эпохе. В целом теория «настоященцев» сводилась к отрицанию художественной литературы вообще, к замене её очерком и фактографическим описанием событий, а их идейная платформа выражалась в стремлении «преодолеть правую опасность в литературе». Группа и журнал проводили свои мероприятия с шумом и примесью эпатажа; устраивали эффектные диспуты, широкие публичные выступления (например сорвали спектакль Новосибирской оперы), часто нападали на своих противников, не щадя никаких авторитетов. Под огонь их критики попадали почти все крупные советские литераторы,

---

¹ Трушкин В. Предисловие к роману В. Зазубрина «Два мира». Красноярск, 1957. С. 19.

независимо от их направлений: М. Шолохов (статья носила явно доносительский заголовок «Почему Шолохов понравился белогвардейцам»), В. Катаев, Б. Пильняк, Вс. Иванов, А. Платонов, А. Фадеев. В дополнение ко всему журнал (с ведома Сырцова) опубликовал под псевдонимами несколько статей видных сторонников Троцкого, отбывавших ссылку в Сибири – Л. Соновского и А. Воронского, что вообще-то говорит не столько о личном мужестве редакции, сколько о надежде бывших «левых» оппозиционеров на перемену курса.

Были ли все создатели нового журнала действительно талантливыми? В одной из первых критических статей А. Курса с выразительным названием «Кирпичом по скворешне» изничтожались не только местные поэты, но и художественная литература вообще, как «не соответствующая Правде факта»¹. А в следующей, под заголовком «Кровяная колбаса» критик разгромил «Два мира». Но особенно была показательна критическая статья секретаря редакции А. Поповой «Нашим противникам»: «Кустари-одиночки, писатели, продают свои творения ГИЗу, а он наводняет ими рынок». Она писала о герое одного произведения: «На лбу набрякли вены – Сергей работал». И тут же: «Я знаю одного невыдуманного Сергея. Он тоже очень много работает и ничего у него не брякнет на лбу, когда он работает, сколько я ни старалась рассмотреть». Для чего это сказано в статейке. Знайте, какой Сергей покровительствует нам! И побаивайтесь!»². По свидетельству того же Коптелова, «настоященцы» утверждали, что в составе группы есть работники ряда сибирских партийных организаций.

В «Известиях» появилась статья Горького. В ней, в частности, было сказано: «Редактор “Советской Сибири”, краевой газеты, Курс – бывший анархист, как мне сказали, организовал гонение на художественную литературу и один из его сторонников, некто Панкрушин, заявил, что “художественная литература реакционная по своей природе”. С моей точки зрения – не цеховой, а с точки зрения человека, который лет 50 наблюдал и до сего дня наблюдает революционно-воспитательное значение литературы, – Панкрушин не только малограмотный парень, а

---

¹ Настоящее. Новосибирск, 1928. 3 февр.

² Цит. по: Коптелов А. Дни и годы // Сиб. огни. 2000. № 4.

человек, которого я считаю вправе назвать бессознательным “вредителем” в области культурной работы»¹.

Но «нахальная» периферия не сдавалась: На первой странице «Настоящего» было крупно набрано: «Правая выходка Горького в «Известиях» от 25 июля». Дальше – резолюция собрания журналистов. В ней говорилось: «Горький все чаще и чаще становится рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы»².

Даже на ноябрьском пленуме Сибкрайкома ВКП(б) преемник и выдвиженец Сырцова Р. И. Эйхе в заключительной речи заступился за «настоященцев», назвав их политическую линию «совершенно правильной» и упрекнул лишь за «слишком визгливый тон», да и то с оговоркой «возможно»³.

Но уж раз дело дошло до «политической линии», то ЦК не мог не вмешаться. Тем более, что в «Настоящем» было опубликовано стихотворение поэта Иосифа Киселёва (всезнающее ГПУ тут же установило настоящего автора А. Панкрушина) «Известному писателю Максиму Горькому с такими строчками:

Но я не жду от вас ни дружбы, ни услуг
Какая дружба между мной и вами?
А вы – вам нечего греха таить –
Порой восторженно, недопустимо,
Как мать, готовы нежить и любить
И подлецов и херувимов⁴.

Панкрушину же принадлежала и цитата, не раз повторявшаяся в его выступлениях: «Писатели – клопы. Наша беда, что мы до сих пор не изобрели против них порошка»⁵.

25 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького». В этом постановлении нападки на писателя были названы «грубо ошибочными и граничащими с хулиганством». Фракция ВКП(б) «Сибирского Пролеткульта за ее участие в вынесении резолюции с хулиганскими выпадами против тов. Горького» был объявлен строгий выго-

---

¹ Горький М. Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры // Известия. 1929, 25 июля.

² Настоящее. Новосибирск, 1929. 4 авг.

³ Коптелов А. Указ. соч. С. 79.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 81.

вор, редакции «Настоящего» поставлено на вид, Курс отстранен от редактирования журнала и от обязанностей редактора газеты «Советская Сибирь», а Сибкрайкому предложено «усилить руководство литературными организациями» и обеспечить наряду с решительной борьбой против буржуазных течений в литературе исправление левых перегибов в линии и деятельности литературных организаций»¹.

PRO

Талантливый полемист, В. Зазубрин, надо отдать ему должное, не раз отбивал нападки на молодую литературу Сибири. Он по праву гордился тем, что «Сибирские огни» и Сибирский Союз писателей много сделали для культурного роста Сибири, хорошо сознавая, что литература здесь – «явление большого культурного порядка». Именно в это время ответственным секретарём журнала является Вивиан Итин – автор первого советского утопического романа «Страна Гонгури» (1920), спустя 60 лет переизданного в Европе, а только потом в перестроечном СССР, осмелившийся в 1921 г. под видом рецензии опубликовать в «Сибирских огнях» пронзительный некролог по погибшему Н. Гумилёву:

Стихи Гумилева для
Сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда.

«Муза Дальних Странствий» – любимейшая из муз поэта. В его стихах нас поглощает соль южных морей, пески пустынь, пальмы оазисов, Африка с ее бесчисленными племенами, так странно звучащими на русском языке, и южная изумительная Азия – Китай, Индокитай, Персия. Правда, это Африка негусов, а Китай богдыханов, ибо автор неисправимый аристократ, но его экзотическая романтика звучит и не забывается и напряженно зовет к недостигнутой цели. Ведь, может быть, теперь, в пламенной буре революции

Когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). М., 1988. С. 269.

больше, чем когда бы то ни было надо знать,
Как не бояться
Не бояться и делать что надо.

Рассказы Гумилева слабее, в них мы находим слишком явное подражание Эдгару По. Слабее и посмертный сборник, куда несравненно менее одаренные ученики поместили зачастую довольно безвкусные корнетские мадригалы, которые лучше было бы оставить до полного собрания сочинений. Но все же ясный и бесстрастный эстетизм поэта, радостно принимающий всякую жизнь, чувствуется и в этих произведениях. «Мне отрубил голову», – снится ему в одном из рассказов, – «и я, истекая кровью, аплодирую уменью палача и радуюсь, как все это просто, хорошо и совсем не больно».

К несчастью, сон оказался вещим.

Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России остается глубокой трагедией. И никто, надеюсь, не повторит вслед за поэтом: «Как все это просто, хорошо и совсем не больно»¹.

Итин, недоучившийся студент Петроградского университета, друг и неудавшийся жених Ларисы Рейснер, в своём не совсем добровольном сибирском житье, хотя он был и красным партизаном, и армейским «трибунальцем», и членом ВКП(б) с 1921 г., всё-таки не был ортодоксальным начетчиком и демагогом-карьеристом, вроде «настоященцев». Горький сочувственно следил за молодыми сибирскими литераторами, а в письме Итину из Сорренто признавал: «...мне кажется, что Вы, пожалуй, смогли бы хорошо писать «фантастические» рассказы. Наша фантастическая действительность этого и требует»². И «ударяя» по далекому Горькому, «настоященцу», прежде всего, целились в редакцию «Сибирских огней».

Ещё один, тогда начинающий сибирский писатель Ефим Пермитин в своей автобиографической «Поэме о лесах» красочно описал выступление коллектива «Сибирских огней» перед молодыми писателями. «Как и Зазубрин, Итин был тоже в черном, но не в обычном костюме, а в отлично сшитом смокинге, в белоснежной крахмальной манишке с высоким, подпиравшим шею воротником, с широкими манжетами и сверкающими в них

---

¹ Сиб. огни. 1922. № 6.

² Переписка Горького с советским писателями. С. 195.

золотыми запонками. Среднего роста, тонкий, стройный, тщательно выбритый и гладко причёсанный на английский манер. У него большие тёмные, в густых ресницах, скорбные глаза. Тонкое, умное лицо его всегда сосредоточенно. Итин редко улыбается и улыбается только одними губами, но и во время улыбки лицо его остается задумчиво-грустным, погруженным в самого себя, занятым какой-то одной мучительно-неразрешимой мыслью...»¹.

После отъезда Зазубрина, Итин становится во главе «Сибирских огней» и Сибирского союза писателей. По утверждению современников, именно Итину принадлежит идея переименования Новониколаевска в Новосибирск. Выходец из семьи известного юриста и петербургского эстетического круга, он теперь неутомимый путешественник, воздухоплаватель и исследователь Арктики.

«Несмотря на большую общественную работу в Союзе писателей, – вспоминала его дочь Л. В. Итина, – отец вплотную занимается проблемами Северного морского пути и сотрудничает с организацией “Комсеверпуть”. Летом 1926 г. Вивиан Азаревич участвовал в гидрографической экспедиции по исследованию Гыданского залива, в 1929 году – в Карской экспедиции. В 1931 г. Итин выступил с докладом “Северный морской путь” на Первом Восточно-Сибирском научно-исследовательском съезде в Иркутске, вместе с академиком А. Е. Ферсманом.

На следующий год он принимает участие в устье Колымы на пароходе “Лейтенант Шмидт” а оттуда возвращается в Новосибирск сухопутным путем, передвигаясь на собаках и оленях. Ему принадлежат книги: “Восточный вариант”, “Морские пути Советской Арктики”, “Колебания ледовитости Арктических морей СССР”, “Выход к морю” и др. Очерки о путешествиях снабжены историческими справками. В них не только портреты арктических капитанов (В. И. Воронина, Н. И. Евгенова и др.), путешественника на велосипеде по арктической тундре – Глеба Травина, летчика Б. Г. Чухновского и других интересных людей той эпохи, но и исследуются экономика, география, этнография региона, приводятся экономические обоснования необходимости подобных рейсов (тогда еще надо было доказывать выгоду доставки грузов Северным морским путем. – *Прим. авт.*) Л. И. Итина вспоминает: «Всё это требовало широких, обстоятельных знаний, которые отец приобретал путём самообразова-

---

¹ Пермитин Е. Жизнь Алексея Рокотова : роман-трилогия. М., 1972. С. 459.

ния, поднимаясь до уровня подлинного учёного, что и отмечено в профессиональном очерке доктора географических наук С. Д. Лапшю, профессора МГУ, который сам много путешествовал, в том числе с известным полярником И. Д. Папаниным, и был знаком с В. А. Итиным по работе в «Комсеверпути». Отец также познакомился с И. Д. Папаниным в одном из своих путешествий. Вивиан Азарьевич был в меховых оленьих сапогах и топтался нерешительно на борту – причала не было. Под ногами была вода. Коренастый человек предложил прокатиться на его спине. Отец не отказался. На берегу познакомились – оказалось, что это И. Д. Папанин. На ледоколе «Красин» Вивиан Азарьевич оказался на койке, на которой ранее спал один из участников экспедиции Нобиле, спасенный моряками ледокола. Под впечатлением рассказов моряков отец написал повесть «Белый кит». В судьбе экипажа придуманной им шхуны «Белый кит» отразилась история легендарной шхуны «Святая Анна» лейтенанта Г. Брусилова, пропавшей экспедиции В. Русанова и его «Геркулеса», а также воздушных путешествий Нобиле и Андрэ. Её герой Нордаль – синтез образов великих исследователей севера: Норденшельда, Амундсена и Нансена»¹.

Известность. Интересная работа. Была ли жизнь безоблачной? Увы, далеко нет. И хотя даже партийную чистку 1929 г. писатель прошёл благополучно, но в письме Горькому он печально признавался: «Зависть, бюрократизм, глупость были, есть и не скоро переведутся. Литература всегда была ненавистна. Она причиняет беспокойство»².

В местах его путешествий лагеря ГУЛАГа росли, как грибы. В 1934 г. в «Сибирских огнях» появилось начало будущего романа – повесть «Ананасы под березой», там приводится эпизод из жизни колчаковского Омска. Поэты в кафе читают стихи, большое гала-представление:

Веселый час последних лет.
Бросают люстры желтый свет
На пестро-мрачное виденье.
Оркестром правит Люцифер
И тихо льются звуки сфер...
Театр огромен, словно дым

---

¹ Здесь и выше цит. по: <http://www.peoples-rights.info/vivian-itin>.

² Итина Л. Я был искателем чудес... // Фантаkrim МЕГА. Минск, 1994. № 1. С. 36–37.

Под сводом облака легли...
О, рано плакать, серафимы!
К вам долетели сны Земли?
Смотрите! Вот взвились завесы, -
Сам Бог великий – автор пьесы!..
Шуты украли образ Бога
И странно озарен им ад.
Марионетки! Как их много!
Идут вперед, идут назад...
Исчадь мутных злобных снов,
Встает кроваво-красный зверь...¹

Стихи опубликованы, как фрагмент из Эдгара По, но у американского классика таких строчек нет, это стихи самого Итина. Более того, факт, кажущийся совсем невероятным, в стихотворении «Скованный Прометей», которое опубликовано в 1937 г. (!) этот мотив повторен:

Я только раб тирана олимпийца,
Прикованный к скале кавказских гор,
И мой палач – пернатый кровопийца,
Опять на мне покоит хищный взор...

30 апреля 1938 г. В. А. Итин был арестован по обвинению в шпионаже. Постановлением «тройки» УНКВД Новосибирской области 17 октября 1938 г. он осужден по статье 58-6 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 22 октября 1938 г. в Новосибирске. Сведений о месте захоронения нет. 11 сентября 1956 г. В. А. Итин реабилитирован (посмертно) за отсутствием состава преступления.

«Вивиан Итин, прежде всего поэт, и даже вся его проза – это проза талантливого поэта, будь это даже полемические статьи по вопросам художественного творчества или по вопросам кораблевождения в полярных морях... Полет поэта кончился трагически. Но осталась не горка праха, а книги... И все это полно страсти, полно мысли»².

И еще Мартынов писал:
У меня был друг Вивиан.
Он мечтою был обуян

---

¹ Сиб. огни. 1933. № 1–2.

² Мартынов Л. Час воскрешения Вивиана Итина // День поэзии-83. М., 1983.

Сделать этот мир восхитительным.
Я дружил с Вивианом Итиным...¹

Среди читающих в «кафе колчаковского Омска» поэтов все были тогда ещё совсем молодыми, многие из них, как Леонид Мартынов и Сергей Марков, впоследствии стали знаменитыми писателями, некоторые остались неизвестными, но именно образ Александра Васильевича Колчака был центром обсуждений, споров и замечательных стихов, тут открывается ещё одна интереснейшая страница сибирской истории, где причудливо сплетаются мотивы братоубийственной войны, романтики и репрессий. На этом фоне вновь встает тень убитого адмирала.

Вот стихи молодого Мартынова:
Знакомых и друзей, случайно
Явившихся издалека,
Чтоб вместе оставаться в чайной
Степной столице Колчака.
Не пить и не забавы ради
Иные люди шли сюда,
Где проходила по эстраде
Поэтов сонных череда.
Когда перед приходом красных
Сгустилась мгла метельных дней,
Туда пришел Георгий Маслов
Сказать о гибели своей.
Он говорил – зараза липнет,
На всем кровавая печать.
Он говорил – культура гибнет
И надо дальше убегать.
Мечтай наивно о Востоке.
И он ушел...²

Георгий Маслов был омским поэтом, печатавшимся в газетах, выходивших при колчаковской Директории. Он умер в 1920 г. Леонид же Мартынов, вместе с Сергеем Марковым в середине 20-х гг. составили «Альманах мертвецов», куда вошли стихи колчаковских поэтов, в том числе и стихи Георгия Маслова. Сборник этот до сих пор нигде не обнаружен.

---

¹ Мартынов Л. Час воскрешения Вивиана Итина // День поэзии-83. М., 1983. С. 127.

² Из показаний Л. Мартынова по делу «Сибирской бригады». Здесь и ниже цит. по: Куняев С. Огонь под пеплом: дело сибирской бригады // Наш Современник. 1992. № 7.

Один из поэтов – Евгений Забелин (Леонид Савкин) в 1925 г. в поэме, посвященной адмиралу, так описал его последний путь:

Сначала путь непройденных земель,
Потом обрыв израненного спуска,
И голубая изморозь Иркутска,
И проруби разинутая щель.
Полковники не слушали твой зов,
Бокальный всплеск укачивал их сонно.
Созвездия отгнившего погона
Им заменяли звезды коньяков.
Свои слова осколками рассыпь
Меж тупиков, сереющих пустынно,
Плюгавое похмелье кокаина
И сифилиса ситцевая сыпь.
Кашмирский полк, поющий нараспев,
Кашмирский полк, породистый британец
Обмотки на ногах, у плеч тигровый ранец.
На пуговицах королевский лев.
Приблизилась военная гроза,
Рождались дни, как скорченные дети,
От них, больных, в витринах на портрете
Старели адмиральские глаза.
Что ж из того? Упрямо перейду
Былую грань. Истерикой растаяв,
Дрожа слезой, сутулый Пепеляев
Покаялся советскому суду.
Перехлестнул, стянул, перехлестнул
Чеканный круг неконченного рейса,
Жизнь сволочнулась ртом красногвардейца
Вся в грохоте неотвратимых дул.
Душа не вынесла, в душе озноб и жар.
Налево марш – к могильному откосу.
Ты, говорят, опеплив папиросу,
Красногвардейцу отдал портсигар.
Дал одному солдату из семи,
Сказал: «Один, средь провонявшей швали,
На память об убитом адмирале
Послушай, ты, размызганный, возьми!»¹

---

¹ Цит. по: Куныев С. Огонь под пеплом: дело сибирской бригады // Наш Современник. 1992. № 7.

Давая в 1932 г. показания в ГПУ, Е. Забелин признаёт: «При Колчаке я учился в коммерческом училище. В моей семье колчаковщина была воспринята восторженно, как фактор спасения многострадальной измученной родины. Мне тогда было шестнадцать лет. Я считал Колчака вторым Наполеоном и так к нему относился. Расстрел Колчака был мною воспринят очень болезненно. Спустя несколько месяцев после разгрома Колчака я был арестован Губчека по обвинению в распространении антисоветских прокламаций. Спустя две недели я был освобожден за недоказанностью. Приход советской власти мной был воспринят резко отрицательно»¹. Мной была написана в 25-м году поэма «Адмирал Колчак». Это стихотворение я читал в группе сибиряков, где оно получило полное одобрение. Читал также неоднократно в кругу своих друзей и знакомых». На следующем допросе поэт добавляет: «Особо хочу остановиться на “Альманахе мертвецов”. Это тетрадь в 30–40 стр., на которой наклеены вырезки стихов колчаковских поэтов (Ю. Сопова, Г. Маслова и др.). Эти стихи собрал Мартынов и привез в Москву. На группу приносил их Марков и читал стихи. Явно контрреволюционные, написанные сочным языком, они производили сильное впечатление, подогревали нас. Многие из прочитанных стихов смаковались. Стихи эти читались для возрождения памяти Колчака и колчаковщины. Нужно добавить, что стихи эти печатались в газетах – яркие, враждебные к советской власти и большевикам, которые в стихах назывались “белыми гориллами”. Эти стихи давали нам контрреволюционную пищу, а Марков и Мартынов брали с них пример. Читались на группе и стихи Мартынова, воспевающие беженок, бежавших из большевистской России, а также стихи Маркова о Гумилеве, расстрелянном большевиками. Сюжет приблизительно таков: «Везут Гумилева в «черном вороне» по Ленинграду, вдали виден Исаакиевский собор, последний оплот Православия, и вот на гранит падают мозги желтым виноградом».

Включённый в «антисоветскую» группу «Сибирская бригада» заочно, Леонид Мартынов – один из крупнейших русских поэтов XX в. в 1932 г. в своих показаниях в ОГПУ вспоминал: «Возродилась наша антисоветская группа осенью 1931 г. На собраниях этой группы я был несколько раз, знаю, что и без меня собирались, так как я часто бывал в отъездах. На собраниях этой группы мы обсуждали произведения членов нашей груп-

---

¹ Цит. по: Куняев С. Указ. соч. С. 4.

пы, а также обсуждали ряд политических вопросов и читали советские и контрреволюционные стихи (не для печати). В частности, я читал стихи о Колчаке, о колчаковском поэте Маслове, а также читал стихи Маслова. Привожу отдельные четверостишия из этих произведений.

КОЛЧАКУ

Померк багровый свет заката,
громада туч росла вдали,
когда воздушные фрегаты
над этим городом прошли.
Их паруса поникли в штиле,
не трепетали вымпела:
«Друзья, откуда вы приплыли,
какая буря привела?»
И через рупор отвечали
таинственные моряки:
«О потонувшем адмирале
не зря вещали старики».
Я помню рейд республиканца:
«Колчак, сдавай оружие нам!»
Но адмирал спешит на шканцы
оружье подарить волнам.
И море страшно голубое,
жить, умереть – не все ль одно!
Лети, оружие золотое,
лети, блестящее, на дно.

Дальше речь идет о приезде Колчака в Сибирь. Его борьба и гибель в снежном море»¹.

Это строки из ранней редакции поэмы «Адмиральский час», затем переработанные. Из этих стихов и взял Л. Мартынов название книги своих мемуаров, изданных в 1974 г. «Воздушные фрегаты», но этих строк в стихотворении не было, и для тогдашнего читателя оно оставалось достаточно туманным.

Стихотворение же Сергея Маркова, тоже знаменитого поэта и автора блистательных сочинений о русских путешественниках, также было чётко «контрреволюционным», с точки зрения власти.

---

¹ Из протокола допроса Леонида Мартынова, 17.3.1932 (Кунаев С. Указ. соч. С. 4).

ПОЛЯРНЫЙ АДМИРАЛ КОЛЧАК

Там, где волны дикий камень мылят,
Кольхая сумеречный свет,
Я встаю, простреленный навывлет,
Поправляя сгнивший эполет.
В смертный час последнего аврала
Я взгляну в лицо неожиданным снам,
Гордое величье адмирала
Подарив зашлеванным волнам.
Помню стук голодных револьверов
И полночный торопливый суд.
Шпагами последних кондотьеров
Мы эпохе отдали салют.
Ведь пришли, весь мир испепеляя,
Дерзкие и сильные враги.
И напрасно бледный Пепеляев
Целовал чужие сапоги.
Я запомнил те слова расплаты,
Одного понять никак не мог:
Почему враги, как все солдаты,
Не берут сейчас под козырек.
Что ж, считать загубленные души,
Замутить прощальное вино?
Умереть на этой белой суше
Мне, наверно, было суждено.
Думал я, что грозная победа
Поведет тупые корабли...
Жизнь моя, как черная торпеда,
С грохотом взорвалась на мели.
Чья вина, что в злой горячке торго
Я не слышал голоса огня?
Полководцы короля Георга
Продали и предали меня.
Я бы открывал архипелаги,
Слышал в море альбатросов крик,
Но бессильны проданные шпаги
В жирных пальцах мировых владык
И тоскуя по морскому валу,
И с лицом скоробленным, как жесть,
Я прошу: «Отдайте адмиралу
Перед смертью боевую честь...»

И теперь в груди четыре раны.
Помню я, при имени моем
Встрепенулись синие наганы
Остроклювым жадным вороньем¹.

Практически все участники «Сибирской бригады», за исключением давших наиболее откровенные показания, получили по несколько лет северной ссылки: «Л. Черноморцева и П. Васильева, ввиду полного сознания освободить из-под стражи под подписку о невыезде за пределы г. Москвы. Анова (Иванова) Николая Ивановича, Забелина (он же Савкин Евгений Николаевич), Маркова Сергея Николаевича, Мартынова Леонида Николаевича «отправить с первым отходящим этапом в г. Архангельск в распоряжение ПГ ОГПУ Северного края сроком на 3 года». Приговор Васильеву и Черноморцеву «считать условным», «из-под стражи освободить» (1 июня 1932 г.)².

От более жестоких мер, спасли «оттепель» 1932 г. и планируемое окончательное возвращение в СССР А. М. Горького, а затем, создавая подконтрольный единый Союз Советских писателей, власть ликвидировала РАПП и мелкие группки, вроде ЛЕФ, РЕФ, Пролеткульта, Кузницы, Конструктивистов, не говоря уж о провинциальных, типа «Настоящего». Но передаваемая из «уст в уста» эпиграмма автора «Самоубийцы» и сценариста фильма «Весёлые ребята» Н. Эрдмана оказалась пророческой:

По манию восточного сатрапа
Не стало РАППа.
Не радуйся, презренный РАПП,
Ведь жив сатрап.

Наиболее близким эстетически и политически «Сибирской бригаде» был знаменитый в 20–30-е гг. харбинский поэт Арсений Несмелов (Митропольский). Верность личности убитого адмирала он сохранил до своей трагической гибели.

«Когда вагон Верховного правителя стоял на станции Нижнеудинск, а возможность прорваться за Байкал, к спасительной Чите, стала сомнительной, союзники-чехи передали эсеровскому Полицентру, а те комиссарам ВРК адмирала Колчака, как залог открытия дороги за Байкал. Личная охрана в

---

¹ Цит. по: Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак. Ученый и патриот : в 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 195–196.

² Из постановления по делу № 122613. (Куняев С. Указ. соч. С. 4.)

панике разбежалась. Вагон стали отправлять в Иркутск, где Колчака ждал допрос и расстрел. И вдруг на перрон, не боясь ни пули, ни штыка, вышел белогвардейский офицер. Увидев в окне вагона адмирала, он отдал ему последнюю честь, как Верховному Главкому. Этот помнящий присягу офицер был еще и русским поэтом.

...И этот жест
в морозе лютом,
в той перламутровой
тиши, –
моим последним был салютом,
салютом сердца и души.
И он ответил мне наклоном
своей прекрасной головы.
И паровоз далеким стоном
кого-то звал из синевы.
И тормоза прогрохотали, –
лязг приближался, пролетел.
Умчали чехи Адмирала
в Иркутск – на пытку и расстрел¹.

«Поседевший юноша с мучительно-расширенными зрачками», – написал о Несмелове поэт Николай Асеев в 1920 г. Сам Асеев так описал свой путь во Владивосток: «Бесконечная качка вагонов, взвизги колес, монотонное пение буферных цепей, хрипы букс, позванивание молотка о сталь – тридцать шесть дней в вагоне, набитом до отказа фронтовой человекообразной сельдью, длинный путь на Дальний Восток, в неизвестные места, в солдатской шинели рядового 34-го запасного полка»².

В Чите Арсений Несмелов оказался в ледяном январе 1920-го страшного года. Постепенно, за 70 лет Советской власти, его имя и судьба для сибиряков покрылись мраком. Читинский поэт Михаил Вишняков вспоминает: «Но вот странно: писатели-коммунисты Григорий Кобяков и Константин Седых передали мне в 1970 г. обрывок нити памяти. В Первую мировую войну москвич, поручик 11-го гренадерского Фанагорийского полка Русской армии Арсений Иванович Митропольский воевал с немцами, был четыре раза награжден за храбрость и героизм.

---

¹ Несмелов Арсений. Кровавый отблеск. Харбин, 1925.

² Асеев Николай. Октябрь на Дальнем // Солнечные прописи. М., 1962.

И отзвук в сердце не умолк
Тех дней,
когда с отвагой дерзкой
Одиннадцатый гренадерский
Шел в бой
Фанагорийский полк.

По соседству с фанагорийцами горький путь отступления от Варшавы, сквозь газовые атаки немцев, отбиваясь от конных полчищ Баварской кавалерийской дивизии, сквозь лесные чащобы Беловежской пущи, прошли и забайкальцы, батарейцы и конники Первой забайкальской казачьей дивизии под командованием генерал-майора Ивана Федоровича Шильникова. В своих мемуарах Шильников вспоминал: «...Около 5-ти часов противник выпустил первую волну удушливых газов... В страшных мучениях умирали казаки, лица у всех были бледно-зеленые, многие корчились в страшных судорогах. Какой-то ужас застыл на лицах умерших. Тяжелые сцены пришлось наблюдать – многие старые испытанные урядники с мольбой смотрели на меня...»¹.

А затем, вспоминая эти мучительные годы, тяжело переживая поражения на фронте, он задавался мучительным вопросом: кто виноват?

А не в эти ль месяцы, –
шершавый
От расчесов,
вшив до переносиц,
Медленно отходит
от Варшавы
Наш народ,
воспетый богоносец?
Мы влюблялись в рифмочку,
в картинку.
Он же,
пулям подставляя спину, –
Смрадный изверг,
светоносный
инок, –
Безнадежно вкапывался
в глину².

---

¹ Вишняков М. Расстреляйте меня на рассвете // Забайк. рабочий. 2011. 4 авг.

² Несмелов А. Стихи. Владивосток, 1921.

Пройдя путь от московского сопротивления большевикам в ноябре 1917-го до Великого океана, побывав и помощником военного коменданта Омска, здесь поэт и встречался с Г. Масло-вым и будущими участниками «Сибирской бригады», Несмелов, оставил замечательные стихотворные портреты участников «бе-лого дела»:

...Догоняют, настигают,
наседают,
Не дают нам отдыха враги.
И метель серебряно-седая
Засыпает нас среди тайги...
Брали села, станции набегом.
Час в тепле, а через час -
поход.
Жгучий спирт мы
разводили снегом,
Чтобы чокнуться
под Новый год.
И опять, винтовку заряжая,
Шел солдат
дорогой ледяной...¹

Может быть, его стихи тоже были в «Альманахе мертве-цов». Вот белый палач – барон Унгерн фон Штейнберг, лично рубивший шашкой на перроне станции Даурия колчаковских офицеров, пытавшихся уехать из России по Китайско-Восточной железной дороге. Несмелов не любил Унгерна как и вообще, всех диктаторов. «Изощрённо матерился по-русски и по-китайски в адрес Гитлера и Сталина» (Серебренников И. Вели-кий отход: Рассеяние белых армий. М., 2003. – С. 170).

Его строки об Унгерне:

...Стенали степные
поджарые волки,
Шептались пески,
Умирал небосклон...
Как идол сидел
на косматой монголке
Монголом одет,
Сумасшедший барон.

---

¹ Несмелов А. Стихи. Владивосток, 1921.

И шорохам ночи бессонной
внимая,
Он призраку гибели выплюнул:
«Прочь!»
И каркала вороном –
глухонемая,
Упавшая сзади
Даурская ночь...¹

Отчаянный бурятский казак, один из знакомцев Несмелова еще по Беловежской пушце и Омску, Почекунин, старающийся уйти из Читы ближе к границе, где Унгерн готовился к рейду на Ургу, чтобы стать некоронованным ханом Монголии, рисовал Несмелову заманчивые картины вольной жизни в дикой Монголии:

Ловкий ты и хитрый ты,
Остроглазый черт.
Архалук твой вытертый
О коня истерт.
...И дичал все более,
И несли враги
До степей Монголии,
До слепой Урги².

Вот еще один фанатик белой идеи и сподвижник Унгерна, командир Отдельной конно-азиатской бригады – Казагранди:

Сыграй нам, Бога ради,
Трубы военной медь
Полковник Казагранди,
Сумей же умереть!
В хурэ свой клад зароешь
И потеряешь след.
Жестокие герои
Жестоких наших лет.
Вся Азия – темница.
Кровав ее ковыль.
И жостью на ресницах
соленой Гоби пыль.
Полковник Казагранди,

---

¹ Несмелов А. Баллада о Даурском бароне // Кровавый отблеск. Харбин, 1925.

² Несмелов А. Уступы. Харбин, 1926.

Не весел ты с утра.
Патронов нет в отряде.
Но есть еще «Ура!»
Остаток белой силы
Не выветрен в песках.
Суровый блеск России
Сверкает на штыках.
В кровавой круговерти
Туманятся хребты.
Эгин-дабан бессмертен.
Полковник, смертен ты».
Дожить бы до расстрела.
Среди Эгин-горба,
Чтоб яркой медью пела
Расстрельная труба¹.

Полковника Казагранди расстреляли на хребте Эгин-дабан взбунтовавшиеся унгерновцы².

К началу 30-х гг. даже лидерам эмиграции стало ясно, что ни ставка на наемные отряды, ни военные операции на границах СССР не в состоянии сохранить им военные контингенты. С укреплением же режима японской военной администрации в Манчжурии эмиграция потеряла даже призрачную военно-политическую независимость. Численно поредевшая, материально оскудевшая, социально и политически значительно расслоившаяся русская эмигрантская община в Манчжурии начинает терять свое значение. Она становится просто пешкой в планах китайского милитариста Чжан Цзолина, а позже командования Квантунской армии и с окончанием Второй мировой войны окончательно исчезает с политической арены.

Как отходная эмигрантскому активизму звучит горько-ироничная «Уссурийская баллада» (1930 г.) составителя «Альманаха мертвецов» Сергея Маркова:

«Можешь ты держать пари,
У него высокий чин.
Приезжал на Усури
Самый главный мандарин.

---

¹ Несмелов А. Уступы. Харбин, 1926.

² Серебренников И. Указ. соч. С. 170.

Плечи держит на отлёт,
Глядя вышитый погон.
Десять шелковых знамён,
Бронированный вагон,
На площадке пулемёт

И учёный какаду,
Пестрый корм клевать устав
Голосит на весь состав:
«Вырвем красную звезду!»

Гаоляны высоки,
В гаолянах зреет злость,
Ест акульки плавники
В бронепоезде наш гость.

А в харбинский ресторан
С круглым шрамом на щеке
Входит Черный Атаман
В краснокрылом башлыке.

Машет саблей дорогой,
А изгнанники кричат:
«Полегли по сотне в ряд
От штыков и от гранат
Добровольцы под Ургой».

Снег Москвы – теплой перин,
Спят в Кремле колокола.
Честь двуглавого орла
Защищает мандарин.

Пулемётный частокол,
По штыкам ползёт туман
Сторожат зелёный стол
Мандарин и атаман.

Пьют и курят до зари
В ожиданье эстафет,
Прочертив на карте след,
Грозди бешеных торпед
Разбросав по Уссури.

Шлёт депешу Сахалян:
«Взять границу не смогли
Кирасиры в гаолян
На рассвете полегли».

И кричит хунхузский волк:
«Атаман! За все труды
Просит мой особый полк
Вдвое денег и еды!»

Не поможет динамит.
Зол китайский казначей...
За кордонами гремит
Круглый говор москвичей.

Взвыл по-волчьи атаман,
Отступая на Гирин.
А учтивый мандарин,
Позабыв свой важный чин,
Сел в большой аэроплан.

А забытый какаду,
Видя сто крылатых звёзд,
На оконную слюду
Уронил свой пёстрый хвост.

И в окне мелькнул лампас,
Тормоз вдруг засвиристел.
Выходить не в первый раз
Атаману на расстрел.

Пройдя искушение и эмигрантским активизмом, и улюбленным «русским фашизмом», ставший уже широко известным эмигрантским поэтом, переписывавшийся с М. Цветаевой и Б. Пастернаком, А. Несмелов был арестован МГБ в августе 1945 г. и умер во владивостокской тюрьме. По легенде, переданной, советским резидентом в Маньчжурии и историческим романистом В. Н. Ивановым, Несмелов не испытывал никаких иллюзий по поводу своей судьбы после прихода советских войск в Маньчжурию. Он подготовился: положил на стол записку-заявление: «Советскому офицеру от русского офицера. Расстреляйте меня на рассвете», придавил ее чаркой водки. Когда за ним пришли, Арсений Несмелов отдал честь советскому офицеру, выпил водку и показал взглядом на записку.

– Вашу судьбу решит суд, – ответил победитель, – но даю слово офицера – расстрелять на рассвете. Официально известно, что поэт Арсений Несмелов умер в тюрьме во Владивостоке от болезни.

Много лжи
в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни, –
Не на всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни.
И один ли, одно ли имя,
Жертва
страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.

(Несмелов А. Цареубийцы)

Ещё более трагичной оказалась участь тех литераторов-сибиряков, которые попали под следующий виток репрессий. В ноябре 1930 г., в результате острого столкновения с группировкой Сталина, рухнула карьера самого Сырцова, до этого занимавшего один из самых высоких постов в советской иерархии – Председатель Совнаркома РСФСР (третий после Ленина и Рыкова). Поскольку сотрудники журнала «Настоящее» поддерживали с Сырцовым тесные связи и пользовались его покровительством, часть из них подверглась строгим взысканиям. По постановлению Центральной контрольной комиссии при ЦК ВКП(б) А. Панкрушин, И. Нусинов и В. Каврайский в ноябре 1930 г. были исключены из партии за «неразрывную связь с право-левацкими двурушниками» (так называемый блок Сырцова – Ломинадзе). Большинство сотрудников «Настоящего» вынуждено было покинуть Новосибирск. Панкрушин стал работать в томской окружной газете «Красное Знамя», а затем перешёл в редакцию новосибирской молодёжной газеты «Большевицкая смена» на должность ответственного секретаря. Обладая несомненным литературным талантом, он продолжал заниматься писательским трудом: публиковал статьи и рассказы, участвовал в подготовке молодых журналистов, преподавал курс литературы для начинающих сотрудников. Между тем управление НКВД в Новосибирске постепенно накапливало компрометирующие сведения о Панкрушине и его молодых коллегах. Используя донесения секретных агентов, оно вскоре

пришло к заключению, что в литературной среде образовалась «троцкистская контрреволюционная группа» во главе с Панкрушиным. В феврале 1936 г. Панкрушин был арестован. В ходе обыска чекисты изъяли у него «вещественные доказательства»: троцкистскую «Платформу-83», а также запрещённые книги – собрания сочинений Зиновьева и Троцкого.

Уже на первом допросе Панкрушину был предъявлен целый набор обвинений, изобличающих его как государственного преступника. Ему вменялось в вину хранение нелегальной литературы, «организация контрреволюционной вылазки в печати» (имелась в виду публикация в молодёжной газете восторженного отзыва о книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»). Но главным пунктом служило обвинение в создании контрреволюционной троцкистской организации.

С первых же шагов процедура следствия приняла характер своеобразного политического торга; условия торга при этом диктовало следствие, а обвиняемому предстояло выторговать себе некоторую долю снисхождения. Между тем у самого арестованного не было ясного представления о возможном финале его «дела». Ещё недавно он был видным и вполне благополучным коммунистом, «ответственным литературным работником» с пролетарским происхождением и потому сохранял уверенность, что советское правосудие способно внимательно разобраться и установить действительную виновность человека, прежде чем вынести приговор. И уж, во всяком случае, оно не станет выдвигать «необоснованные обвинения». Поощряемый следователями НКВД Панкрушин решил «встать на путь чистосердечного признания». «...Все протоколы моих показаний, – рассказывал Панкрушин в 1956 г., – записывались следствием без моего присутствия. Со мной проводились предварительные собеседования, потом я вызывался на допрос вторично и мне зачитывали готовый протокол... Из материалов, не имеющих открытого доступа, я Звереву давал бюллетень XV партийного съезда с завещанием Ленина. Это было в начале 1935 г. Этот документ произвёл на Зверева потрясающее впечатление. Зверев был удивлён – почему партийный съезд не принял во внимание этот документ и поставил у руководства партии тов. Сталина... Я показал Звереву выдержку из статьи т. Сталина на пленуме ВЦСПС, в которой т. Сталин говорит о том, что Троцкий хорошо дрался в первые дни Октября. Эта фраза также произвела на Зверева потрясающее впечатление... Зверев обратился ко мне с

104

вопросом – по какому пути пошла бы революция и как изменилось бы положение внутри Советского Союза, если бы у руководства партии стоял Троцкий? Зверев сам ответил на свой вопрос, высказав такой взгляд, что Троцкий уделял больше внимания вопросам международной революции... Я предупредил Зверева о том, чтобы он никому не высказывал своих взглядов такого порядка... Александров также усиленно тянулся ко мне...Общее настроение Александрова было каким-то бунтарским. Однажды в 1935 году Александров пришёл ко мне и сказал: "...дай мне троцкистскую платформу... Я... и хочу подробно ознакомиться с партийной борьбой по всем источникам"... У Александрова имелись резко выраженные контрреволюционные троцкистские настроения...»

Вслед за Панкрушиным были арестованы двое молодых его учеников, «члены троцкистской группы» – Виктор Зверев и Василий Александров. Их также провели через серию допросов и очных ставок, добившись признательных показаний. По настоянию следователя Виктор Зверев, в частности, рассказал о том, каким образом у него оказался найденный при обыске «идеологически вредный» рассказ Панкрушина «Солнце над ковылями»: «Все уполномоченные, прибывшие в совхоз для оказания помощи, выведены в рассказе исключительно отрицательными типами, проходимцами, жуликами, шкурниками. Таким образом, рассказ Панкрушина является сплошной издёвкой, антисоветским пасквилем, высмеивающим и извращающим политику партии...» Постепенно, в ходе следствия были получены компрометирующие сведения на ряд других газетных работников и их единомышленников. По итогам допросов Панкрушина начальник УНКВД по Запсибкраю специальным постановлением потребовал «выделить в особое производство и начать расследование двурушнической и антисоветской деятельности» в отношении Н. А. Кудрявцева, А. Шмакова, И. Т. Гуль, А. Смирнова и А. П. Кабанова». Таким образом, круг подозреваемых литераторов заметно расширился. Обвинительное заключение, составленное следователями отразило весь спектр преступных деяний «троцкистской группы». Оно гласило: «...Следствием установлено, что Панкрушин А. А., примкнув к к.-р. троцкизму в 1928 г., активно включился в практическую подпольную к.-р. троцкистскую деятельность и как участник право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе и руководящий работник журнала “Настоящее”, проводил активную организа-

ционную к.-р. деятельность в области сколачивания к.-р. кадров и пропаганду через печать к.-р. троцкизма.

Будучи в 1930 г., в связи с разгромом право-левацкого блока Сырцова-Ломинадзе, исключенным из рядов ВКП(б), Панкрушин А. А. сохраняя враждебные партии взгляды, организационную к.-р. троцкистскую деятельность временно прекратил и в 1934 г. возобновил её, приступив к выявлению и обработке сторонников к.-р. троцкизма среди писательской молодёжи гор. Новосибирска, а к концу 1935 г. создал к.-р. троцкистскую группу из числа обработанных им писателей Зверева В. А. и Александрова В. И.

В качестве одного из примеров обработки в к.-р. троцкистском духе Панкрушин А. А. использовал метод «литературной консультации» и популяризации троцкистской литературы. Участники к.-р. группы систематически встречались в квартире Панкрушина А. А., где обсуждали политику ВКП(б) и Коминтерна в духе к.-р. троцкизма... Возглавлявший к.-р. группу Панкрушин А. А. написал и пытался поместить на страницах печати (в журнале «Сиб. огни») рассказ «Солнце над ковыльями», содержащий в себе к.-р. критику политики ВКП(б) в области соц. строительства с/хозяйства. Указанный документ Панкрушин читал участнику к.-р. группы Звереву В. А. и получил со стороны последнего одобрительный отзыв. Следствием также установлено, что Панкрушин А. А. установил и поддерживал связь в Москве с бывшим активным участником право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе писателем-троцкистом Семьиным Петром. А также ставил своей задачей установление связи с б/участниками право-левацкого блока Курсом, Нушиновым и др.»¹.

10 июля 1936 г. дело «троцкистской группы» Панкрушина было заочно рассмотрено внесудебным порядком – в Особом совещании при НКВД СССР. На основании статьи 58-10 и 58-11 УК РСФСР В. А. Зверев и В. И. Александров получили по 3 года исправительно-трудовых лагерей, А. А. Панкрушин – 5 лет ИТЛ.

В сентябре 1936 г. УНКВД арестовало ещё двух бывших сотрудников журнала «Настоящее». Как и предшественников, их обвинили в причастности к троцкистской деятельности в составе

---

¹ Здесь, выше и далее цит. по: Попков С. Организация писателей Сибири и НКВД: Погром 1936 года. Новосибирск, 1996.

нелегальной организации и постановлением Особого совещания от 2 июня 1937 г. приговорили к 5 и 8 годам ИТЛ.

Но наступивший 1937 г. уравнивал литераторов всех мастей: различий между идейными направлениями больше не делалось. Чистка приняла универсальный характер. После того как все бывшие сотрудники журнала и группы «Настоящее» оказались в тюрьме, репрессии распространились на других писателей, журналистов, публицистов и издателей. В ходе массовых арестов исчезли такие видные литераторы Сибири, как М. Кравков, В. Итин, А. Ансон, М. Ошаров, Гинцель, Г. Вяткин, П. Васильев, Е. Забелин, И. Гольдберг. Многих известных деятелей словесности гибель от рук НКВД настигла уже после того как они покинули Сибирь. А. Курс был арестован и расстрелян в Москве, И. Нусинов и В. Каврайский – в период ссылки в Казахстане. В Москве репрессированы и погибли их литературные оппоненты, писатели-сибиряки В. Зазубрин, В. Правдухин.

Террор второй половины 1930-х гг. произвёл глобальную социальную селекцию, уничтожив целый слой региональной творческой интеллигенции. Оценить до конца реальные последствия этой безумной утраты – как человеческие, так и интеллектуальные – практически невозможно. Пройдёт ещё немало времени, прежде чем из-под глыб и завалов будут извлечены на свет имена всех жертв, станут известны потерянные труды, появится возможность представить действительное место и роль зарождавшейся, но рано исчезнувшей необычной литературной ветви, созданной революционной эпохой.

Мы уже упоминали, что Вивиан Итин начал с совершенно необычного романа, изданного в Канске, на обёрточной бумаге тиражом 800 экземпляров, романе, в котором, переплелись, утопически-коммунистическое и мистическое представление о будущем справедливом обществе. Роман появился раньше «Аэлиты» А. Толстого и справедливо считается началом советской фантастики, мы бы теперь выразились точнее, «советским фэнтези». Все картины жизни «Страны Гонгури» представлены как грезы революционера Гелия, который был схвачен колчаковцами и приговорен к расстрелу. Старый врач – американец, давний знакомый Гелия, пытается ему помочь. Он погружает Гелия в гипнотический сон. Во сне Гелий отправляется в «Страну Гонгури». Житель этой прекрасной и необычной страны – талантливый Риэль – влюбился в красавицу Гонгури. По своему общественному положению она выше Риэля. Гонгури

хорошо известна в стране как поэтесса. Риэль погружается в научные изыскания, чтобы прославиться, быть достойным своей избранницы. Научная страсть подавляет любовь, Риэль делает одно открытие за другим. Благодаря своему изобретению он получает возможность наблюдать Землю. Риэль видит картины гражданской войны между землянами. Бесчеловечность происходящего так потрясает Риэля, что он решает покончить с собой. А в реальной жизни колчаковцы расстреливают Гелия: «В красном бору, у Красного Яра, красные ландыши! Как на экране своей машины он ощутил, что шедшие за его спиной остановились, осторожно защелкали затворами и зашептались быстрым чешским говором. Синели дали. Он продолжал идти вперед, не оглядываясь, подняв голову навстречу ветру и солнцу, как будто он возвращался в Страну Гонгури». Так погиб и автор – может быть, менее романтично. Из неопубликованных стихов В. Итина:

По сторонам тропы таежной – прутья
Даурской лиственницы. Тишина.
Тяжел и страшен воздух неподвижный,
И в этом мире злом, окутан паром,
Шагает медленно рогатый бык!
Я рядом с ним шагал, держась за карту,
И согревался не ходьбой, а злобой...

Глава 4

Немного о хорошем

Не упрекай сибиряка,
Что у него в кармане нож,
Ведь он на русского похож,
Как барс похож на барсука...

Л. Мартынов

На допросах в ОГПУ Мартынов объяснял, что: «материалы для составленного Сергеем Марковым «Альманаха мертвецов» были собраны мною как материал для статьи, которую я готовил для опубликования в журнале «Сибирские огни» и которая должна была явиться ответом на тезис Зазубрина, что Георгий Маслов и другие «колчаковские поэты» воспевали Колчака, как спасителя Отечества. Смысл моего ответа заключался в отрицании этого тезиса Зазубрина и в утверждении того, что они оплакивали свою гибель и гибель колчаковщины, которую они предвидели...»¹.

Но в его словах очень много именно о регионе Сибири: «Новая Сибирь, Сибирь будущего, – это прежде всего Сибирь, переставшая быть провинцией, переставшая быть колонией. Это страна, ставшая сердцем мира. Сибирь – все естественные возможности которой развернуты до предела на основе высочайших достижений индустриальной и аграрной техники. Население этой страны, развернувшее все ее естественные возможности, это особая порода людей – в прямом и переносном смысле этих определений. Эта порода людей создается из сочетания высоких социально-психологических и моральных качеств, двух основных людских групп. Во-первых, коренное сибирское население и во-вторых – это переселившиеся в Сибирь выходцы из различных народов, населяющих СССР и прилегающие к нему страны. Конечно, эти выходцы из других народов – это наиболее высококачественный элемент этих народов, и его тяготение к Сибири выражает, прежде всего недовольство материально-бытовыми условиями, в которых этот элемент пре-

---

¹ Из показаний Л. Мартынова по делу «Сибирской бригады» (Куныев С. Указ. соч.)

бывал, стремление к большому хозяйственному размаху, выражает большую самостоятельность, инициативу и предприимчивость. Развертывая все естественные возможности Сибири, эта новая порода людей превращает ее в высокоразвитую аграрно-индустриальную, экономически самостоятельную страну. Развитие этой страны даст общему развитию всего СССР направление к Востоку, к Тихому и Индийскому океанам. Именно в Сибири и в Средней Азии будут создаваться новые огромные культурно-политические центры, влияние которых будет содействовать освоению Востока и Юга Азии» (Там же).

Естественно, что ни о каком политическом отделении участники «Сибирской бригады» не думали и ничего по этому поводу не предпринимали. Мартынов именно эту мысль и проводит в показаниях следователю: «В основе идей областничества лежала мысль о невозможности для Сибири развернуть все свои богатства, экономически и политически оформиться в тех условиях, в которых она находится. Поэтому смысл разговоров о независимости Сибири заключается именно в том, чтобы обеспечить условия, максимально благоприятствующие развертыванию всей потенциальной мощи Сибири, как по линии природных богатств, так и по линии человеческого материала. Эти условия мною мыслились как обеспечение свободной борьбы свободных предпринимателей и исследователей с дикой мощной природой Сибири на основе применения последних достижений науки и техники, результатом чего должна быть победа и торжество сильнейших. Прообразом такой борьбы сильных, может явиться история освоения Америки, в частности история освоения Аляски и Клондайка. Политическое и хозяйственное руководство должно сосредоточиваться в руках людей, проникнутых идеей завоевания и освоения Сибири и представляющих собой лучших и сильнейших индивидуумов, идейно сплоченных и возглавляемых лучшими из лучших, авторитет которых свободен и законно признается остальными...»¹.

Колчак сказал:
«Здесь скот, руда,
Экономическая база.
Здесь Атлантида, и сюда
Сначала надо водолаза».

---

¹ Из показаний Л. Мартынова по делу «Сибирской бригады» (Куняев С. Указ. соч.)

Не их вина, что тогда это идея не удалась. Но, через муки войн, ссылок, репрессий, страшных лагерей идея Сибири, как «места встречи» наций и национальностей, культур, этносов, конфессий все-таки пробивает себе путь, и тех, кто думал и стремился к этому мы должны помнить.

И нет Европ, и нет Америк,
Есть только узкий волчий след,
Ведущий на полярный берег...
Здесь сохранилась от восстаний
Единственная из корон
Корона северных сияний...

Л. Мартынов. Отрывки из неоконченной редакци поэмы «Адмиральский час»

Сергей Марков стал в конце жизни классиком исторической публицистики. Патриарх современного сибиреведения, археолог, академик А. П. Окладников писал: «С. Марков по социально-научному масштабу и художническим деяниям сродни титанам Возрождения и будущему ещё предстоит оценить его»¹.

Очерки «Вечные следы» (1975), «Земной круг» (1978), посвященные русским землепроходцам, открывателям Камчатки, Аляски, Алеутских островов, Северной Калифорнии, рудных богатств Сибири, Казахстана, Алтая, до сих читаются, перечитываются, издаются и будут переиздаваться. Очерки обрамляются его замечательными строками, которыми восхищался, такой жесткий и не признающий авторитетов критик, как Юрий Домбровский: «Бесконечно точны стихи Сергея Маркова. Он совершенно неповторим, ни на кого не похож. Его отличная проза совершенно отлична от его стихов»².

В заключение приведем текст одного из замечательных стихотворений С. Маркова «Предки»:

Вставали с плачем от ржаной земли,
Омытой неутешными слезами.
От Костромы до Нерчинска дошли
И улыбались ясными глазами.

Просторы открывались, как во сне.
От стужи камни дикие трещали,

---

¹ Окладников А. П. Предисловие к книге С. Маркова «Земной круг». М., 1975. С. 4.

² Предисловие к книге С. Маркова «Вечные следы». М., 1975.

В Даурской и Мунгальской стороне
Гремели раскалённые пищали.

Тревожно спали у глухой воды.
Им снег и хвоя сыпались на спины,
Им снились богдыханские сады,
Кричали златогорлые павлины.

Шли на восход... И утренний туман
Им уступал неведомые страны.
Для них шумел Восточный океан,
Захлёбывались лавою вулканы.

Могилы неизвестные сочти!
И не ответят горные отроги,
Где на широкой суздальской кости
Построены камчатские остроги.

Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски.

В земле не тлели строгие глаза,
Что были глубоки и величавы;
Из них росла упругая лоза,
Их выпили сверкающие травы.

И наяву скитальцы обрели
Перо жар-птицы в зарослях сандала.
Мне чудится – на гряды из коралла
Холщовые котомки полегли!

Заключение

Данное пособие можно рассматривать, как один из образцов исторических исследований в контексте изучения того, что мы обозначили в начале текста как исследования памяти (“memory studies”). Проблема исторической памяти вышла на первый план общественной жизни и научных исследований. Идеи обращения к истокам, следования традиции, сохранения памяти прочно вошли в лексикон политиков, религиозных деятелей, журналистов. Они также используются и в государственном дискурсе на уровне законодательства, административной практики, государственного и муниципального бюджетирования. Также растет интерес простых людей к истории собственной семьи, города, края. История превращается из занятия профессионалов в публичную деятельность. Дискутируется вопрос о том насколько занятия «публичной историей» можно рассматривать как часть профессиональной деятельности ученых-историков. Большое распространение получают различные виды литературы, использующие исторические нарративы. Такой же всплеск интереса к исторической тематике происходит и в индустрии кино.

Очень интересным является исследование взаимодействия литературы и истории на разных этапах в этом контексте. Прежнее противопоставление вымысла и факта с этой точки зрения не является эвристичным для исследования различных модусов бытования истории в обществе. Историческая реальность и различные способы ее социального конструирования тесно переплетены. В начале XXI в. вопросы о природе исторической реальности и истинности исторического знания приобретают особую актуальность в контексте глобальной трансформации теоретико-исторических и философских взглядов на историю и специфику ее познания. В связи с этим обращение к историческому роману в свете гуманитарных исследований последнего времени представляется важным и значимым.

Вопросы и задания по курсу

1. Специфика литературного жанра исторического романа.
2. Образы красноармейцев в «Конармии» И. Бабеля.
3. Интерпретация Гражданской войны в «Конармии».
4. «Одесские рассказы» и историческая реальность Одессы в годы Гражданской войны.
5. Феномен «попутчика» в советском обществе в 1920–30-е гг.
6. Причины споров об авторстве романа «Тихий Дон».
7. Казачество и Советская власть (на примере романа «Тихий Дон»).
8. Образ Колчака в советской литературе и историографии.
9. Изменение образа Колчака в постсоветском обществе (примеры, основные интерпретации, дискуссии).
10. Интерпретации Гражданской войны в Сибири на примере романа В. Зазубрина «Два мира».
11. Дело «Сибирской бригады» и реалии Гражданской войны в Сибири.
12. А. Несмелов и феномен русской дальневосточной эмиграции.

Рекомендуемая литература

Бабель И. Конармия. Любое издание.

Бабель И. Одесские рассказы. Любое издание.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

Большая цензура: писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 / сост. Л. В. Максименков. – М. : Междунар. фонд «Демократия» : Материк, 2005. – 750 с.

Будберг А. Дневник белогвардейца (Записи 1917–1919 гг.) / А. Будберг. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. – 335 с.

Вайскопф М. Писатель Сталин / М. Вайскопф. – М. : Нов. лит. обозрение, 2001. – 384 с.

Волков С. История русской культуры XX века от Льва Толстого до Александра Солженицына / С. Волков. – М. : Эксмо, 2011. – 352 с.

Воспоминания о Бабеле / сост. А. Н. Пирожкова, Н. Н. Юргенева. – М. : Кн. палата, 1989. – 336 с.

Гройс Б. Утопия и обмен / Ю. Гройс. – М. : Знак, 1993. – 374 с.

Громов Е. Сталин: Власть и искусство / Е. Громов. – М. : Эксмо : Алгоритм, 1998. – 548 с.

Добренко Е. Формовка советского читателя / Е. Добренко. – М. : Академ. проект, 1997. – 321 с. – (Современная западная русистика)

Зазубрин В. Я. Два мира / В. Я. Зазубрин. – Иркутск : Вост.-кн. изд-во, 1980. – 560 с.

И. Бабель. Воспоминания современников / сост. А. Пирожкова, Н. Юргенева. – М. : Сов. писатель, 1972. – 375 с.

Капчинский О. И. Мишка Япончик и другие: криминал и власть в годы Гражданской войны в Одессе / О. И. Капчинский. – М. : Крафт+, 2013. – 480 с.

Кларк К. Советский роман. История как ритуал : пер. с англ. / К. Кларк. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 262 с.

Марков С. Н. Избранные произведения : в 2 т. / [вступ. ст. Е. Осетрова]. – М. : Худ. лит., 1990. – Т. 1. – 574 с.; Т. 2. – 559 с.

Несмелов А. Собрание сочинений : в 2 т. / А. Несмелов. – Владивосток : Альманах «Рубеж», 2006.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Приложения. М., 1990. – 176 с.

Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак – учёный и патриот : в 2 ч. / В. В. Синюков. – М. : Наука, 2009. – Ч. 1. – 239 с.; – Ч. 2. – 230 с.

Смирнов И. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней / И. Смирнов. – М. : Нов. лит. обозрение, 1994. – 351 с.

Тимофеев Л. И. Горький в переписке с советскими писателями // Лит. наследство. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка.

Шолохов М. Тихий Дон. Любое издание.